ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ

МОЯ СЕМЬЯ

КНИГА ДЛЯ ДЕТЕЙ

РАССКАЗЫ

ОРЁЛ – 2016

УДК 804. 092 (075. 8)
ББК Ш 147. 11 я 73
З-82

ISBN 978-5-91 468-137-8
З-82 Золотарёв И.Л. Моя семья. Книга для детей. –
Орёл, издательство «Новое время», 2016. – 98 с., илл.

Игорь Леонардович Золотарёв, выпустив в свет книгу для детей «Свиристели (райские птицы)», замыслил новую книгу для детей «Моя семья» и осуществил это. Книга получилась яркой и убедительной, как собрание рассказов, куда вошли всякие чудесные истории, происходившие в разное время с членами его семьи. Читателям будет интересно узнать, что в это время думали, как жили и действовали в тот или иной момент его папа, мама и сам он, Игорь Золотарёв, когда ему было не больше тринадцати-четырнадцати. Для такого возраста и предназначена эта книга «Моя семья», написанная для человека переходных лет в жизни, когда он уже почти вышел из детства и ещё не стал взрослым.

Прочитайте, ребята, эту книжку. Думается, вам любопытно будет узнать, и как крышу кроют, и как куст хризантем сажают на даче в осеннем саду, и как юные французы в Малоархангельск к нам на дачу приехали и увидели на огороде неожиданно выросшую цветную капусту, и многие, многие другие чудеса.

Эта книга, ребята, для вас.

ISBN 978-5-91 468-137-8

© И.Л. Золотарёв, 2016
© Издатель: «Новое время», 2016

Вот кому я читаю рассказы

СМОТРЮ В ОКНО

Смотрю в окно на берёзу. Она такая большая, красивая – выше нашего четвёртого этажа, достаёт уже до седьмого. И вся одета в золото осени, уже октябрь, дело к тому, чтобы сбросить листву. Но пока берёза стоит, как царица, в золотых своих одеяниях. Подхожу к окну и смотрю на неё, так мне нравится видеть её ещё не опавшей, пышной, сказочно разодетой…

И вижу, кто-то смотрит на меня оттуда, с берёзы, сюда в распахнутое окно. Ну кто же ещё? Сорока. Сорока-белобока. Любит прилетать сюда именно, на эту берёзу, которую когда-то мой папа посадил под нашим окном, давно уже, когда мы тут получили квартиру.

– Сорока, – говорю я ей, – почему ты белобока?

А она глазами кругленькими такими, стеклянными насмешливо упрётся в меня и хвостом дёргает.

– Тыррр-тыррр, – отвечает она. – Тебе-то какое дело?

Так вот мы с сорокой и разговариваем, когда никого дома нет, не с кем поговорить. А если надо с папой поговорить, так я телефончик свой достаю и с папой разговариваю, когда он где-то тут в Орле, бродит по городу или когда в Малоархангельске. Пишет что-то или на огороде работает. Мобильник у меня французский, называется «Алкатель», в ярком трёхцветном футляре цвета нашего национального флага. Мы купили этот футлярчик накануне Олимпийских игр в Сочи.

Любит смотреть на трёхцветный «Алкатель» сорока-белобока даже больше, чем на меня. Говорят, примечают сороки всё блестящее, яркое и таскают к себе в гнездо. Даже произведение такое есть «Сорока-воровка», кажется, у писателя Герцена.

– Слышь, – говорю, – сорока? У Герцена ты описана. А это у нас тут рядом, за речкой, улица существует такая, носит имя писателя.

– Тыр-тыррр, – отвечает сорока, – ну, и что? Вот если бы улица была про меня, про сороку-белобоку.

– Много чести, – говорю я, – чтобы улицу твоим именем называть. Не почётный гражданин города, не заслуженный строитель Орла.

И тут кто-то в дверь позвонил. Я, конечно, к двери туда из лоджии. Открывать надо: папа с мамой пришли. Папа насущного хлеба принёс, а мамочка, как коза – дереза, принесла в пакете молока масловского. Завтра будет овсяную кашу варить. Говорят, овсяную кашу едят англичане. А они мозги себе кашей чистят, полмиру прочистили, на ноги поставили. Я, конечно, этому не верю, но кашу овсяную ем. И не только с утра.

Голову себе я этим забил – разговором с папой и мамой. Да всё рассматривал на кухне, что они там купили, принесли из магазина. И совсем забыл про старушку, сороку – белобоку, с которой только что разговаривал. Возвращаюсь в лоджию, а старушки – то нет. Улетела по внукам, по своим неотложным делам. По городу она не мотается, а только по своему околотку, по кварталу нашему. А он у нас большой, как микрорайон, – девятиэтажниками обставлен. В одну сторону до дороги с движением – улица Горького, в другую – до улицы с ещё большим движением – улица 60 лет Октября.

Значит, вернулся я в лоджию – окно настежь, старушки нет, мобильника нет. « Куда же это я его определил? – думаю. – Совсем, что ли, заплошал, память отшибло?»

Нет телефона, и всё. Как же это без телефона? Просто жить нельзя без телефона. В Москве даже мэр города детям раздаёт телефончики, на шею им веша-

ет, чтобы они были как на привязи у родителей. Как японцы у власти, чтобы никуда не девались.

– Мама, – зову я свою палочку – выручалочку, – куда я дел телефон, не знаешь?

– Не знаю.

– Папа, а ты? Знаешь, куда я дел свой мобильник?

– Поищи, – говорит мама.

– Всё уже перерыл, – расстроился я. – Нет ни в кармане, ни даже в ящике.

– А ты поищи телефон с помощью телефона, – советует мама. – Из моего позвони.

Она у нас умная, догадливая на всякие такие дела. От неё чаще всего исходят дельные советы.

– Можешь и с моего позвонить, – всерьёз обеспокоился папа. – Мой телефон берёт лучше маминого, мой более совершенный.

И давай я названивать, и давай. То с маминого телефона, то с папиного. То с папиного, то с маминого. Глухо, как в подвале на даче у нас в Малоархангельске.

– Мамочка, не берёт что- то ни твой телефон, ни даже папин, более совершенный, – уже чуть не плачу я.

– Ничего, ничего, – подбадривает мама. – Утро вечера мудренее. Как – нибудь твой «Алкатель» сам найдётся.

Дня через три пошла она на рынок (он у нас Рынок Выходного Дня называется), возвращается и говорит, пожимая плечами:

– Что это? Чудо какое – то, что ли, мне примерещилось. Иду мимо вон той берёзы, – показывает она в кухонное окно. – Вон та берёза, видишь?.. Иду мимо, и вроде бы мобильник где-то близко звонит. Прислушалась – вроде бы твой.

– Ой, мамочка? – аж подпрыгиваю я от радости. – Это же я звонил тут, а туда к тебе попадало.

– Смотрю вокруг, – говорит она, – ничего. Кроме листвы под берёзой. Покопалась в листве – ничего подобного…

– Ну, пошли, пошли с тобой, – беру маму я за руку. – Может, скорее вместе найдём?

Прошли полдвора, подошли к берёзе, стали вдвоём смотреть, копаться в опавшей листве – ничего, ничегошеньки.

– Папа, – вернулись домой мы. – Глухо, ничего не нашли.

Папа глянул в кухонное окно, пригляделся к берёзе, под которой мы только что копались, шевелили листву и говорит:

– Ну-ка, ну-ка, что видишь, браток, на берёзе?

– Гнездо сорочье. Не было, а сейчас есть.

– Не было? А сейчас есть? Листья упали, дерево обнажилось…

– Вот что! Дуй-ка швыдче туда к берёзе, а я тут из своего, более совершенного позвоню, лады?

– Лады, – и пулей я туда под ту, другую берёзу.

Стою под берёзой, а она там, наверху, голосом «Алкателя» моего звонит, вот названивает. Прибегаю домой и в лоджию, к распахнутому окну. А там сорока-белобока сидит на этой берёзе и в меня уставилась насмешливым взглядом.

– Сорока – воровка! – кричу я ей. – Скоро все мобильники с нашего квартала постащишь в гнездо к себе.

– Тыр, – тыррр! – кричит сорока – белобока. – Не стащу, это я только у тебя. У тебя одного он такой, яркий, трёхцветный.

На другой день приехала машина с длинной штуковиной, которая достаёт до самого верха столбов, что на нашей улице 8 Марта, со светодиодным освещением. Попросили мы ребят, которые там работали,

чтобы они машину на момент к нам во двор перегнали к берёзе той, на которой сорочье гнездо.

Выручили ребята. Достали мой французский «Алкатель» из гнезда. Вот смеялись, как это сорока по-французски со мной свысока разговаривала.

Вот такая с моим мобильником получилась история.

ПУШКИН ПРИЕХАЛ В МАЛОАРХАНГЕЛЬСК

Сначала в Орёл к нам приехал тульский поэт Валерий Ходулин. Отсюда мы с Ходулиным поехали в Малоархангельск. Ходулин вёз с собой из Белёва стихи свои про Пушкина, которые мы уже знали. Он присылал их моему папе в журнал «Русское поле», и они были опубликованы в первом номере. Их-то прошлым летом и читали школьники в Малоархангельске 6 июня, в День рождения поэта, у пьедестала памятника нашему национальному гению. Но всем захотелось увидеть самого автора, этого человека, которые сочинил такие вот строки.

ПО БЕЛЁВУ ЕДЕТ ПУШКИН

Из Москвы поехал я на Калугу,
Белёв и Орёл…
А. С. Пушкин. «Путешествие в Арзрум»

Златоглавы церквушки,
Колокольни, купола.
По Белёву едет Пушкин,…
Едет в сторону Орла.

Пастилою пахнет сладко,
Дружно тянут рысаки.
Треплет чёрную крылатку
Ветер, дующий с Оки.

Тают облачные тени
В зеркалах весенних луж.
Приготовились к цветенью
Ветки яблок, ветви груш.

За коляской скачут дети.
Луг цветёт. Гудит пчела.
– По Белёву Пушкин едет,
Едет в сторону Орла.

* * *

И приехал с нами Пушкин
В городок наш из Орла.
И привёз его Ходулин,
А с Ходулиным и я.

– И дальше, папа, прозой давай рассказывай: про читателей малоархангельских, про Пушкина в Малоархангельске, про поэта Ходулина и про нас с тобой, как мы выступаем каждый год тут перед Пушкиным, под памятником ему.

– Прежде всего, – говорю я, – расскажи, почему тут оказался Пушкин в 1829 году?

– Ехал тут Пушкин на юг, – объяснял юным читателям папа мой, – а другого пути просто не было. На Курск и далее на Арзрум. Даже царица Екатерина тут ехала, о чём свидетельствует то, что монастырскому селу Архангельскому ею было присвоено звание Малого Архангельска и подарен статус уездного города.

Так и ездили все тут. И Ермолов, и Пушкин. Ну, не всех встречали, как эту столичную «штучку» – Александра Сергеевича. С таким курьёзом, и такой «камуфлет», как папа говорит, тут вышел. Пушкина приняли за «ревизора» – высокую птицу из Петербурга, а Пушкин подарил сюжет Гоголю: у тебя, мол, Николай Васильевич, что-то лучше получится. И получилось. Ещё как! Когда ставили «всероссийскую пьесу», хохотал от души сам царь Николай I.

Ну, да ладно, всё это история. Сошло с вешними водами. А вот что ещё живо в памяти. Изваяли тут Пушкина, поставили на пьедестал. Между прочим, первый памятник ему на Орловщине. И приезжал сюда его отпрыск – от старшего сына Александра – Григорий Григорьевич Пушкин. И мы встречали его в нашем доме. Застолье было, друзья были из Малоархангельска и из Орла. И мать моя была жива ещё, носила к столу угощенья и всё удивлялась:

– Неужто это сам Пушкин?

Приглядывалась: похож. Вылитый Пушкин!

И, помню, я пел на стихи Пушкина самому Пушкину.

Я помню чудное мгновенье.
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

Теперь вот ещё один поэт явился сюда: Валерий Ходулин из Тулы. Уже звучало тут его имя, пусть ещё прозвучит. Папа мой читает стихи Ходулина.

Сделав крюк многоверстовый,
Он по городу кружил,
Чтоб проехать по Ершовой,
Где Жуковский раньше жил.

Вот и дом. Крыльцо резное.
Под карниз вознесено
Необычное, большое,
Полукруглое окно.

Перед ним в мгновенья эти
Тень учителя прошла.
По Белёву Пушкин едет,
Едет в сторону Орла.

К дому нашему мы с Ходулиным по городу идём, приближаемся. Вот он, дом, – низенький, как у Сергея Есенина, аккуратный такой.

– А доски отчего-то нет, – замечает Ходулин.

– Какой доски?

– Что тут Пушкин был. Семечко его родное – от сына старшего Александра…

Ходим с Валерием по нашему дому, показываю ему стол, за каким мы сидели тогда. Напротив среднего окна, тут сидел сам Григорий Григорьевич.

Из «ПУШКИНИАНЫ»

Времена года. Осень.
Опять октябрь. И цифра «19» -
Как девятнадцать отошедших лет.
Как молоды мы были с вами, братцы!
Как много было нас, и вот уж нет.
Век пролетел. Судьба перемешала
И «19», и «21».
Но жив Поэт. Не всё ещё пропало.
И клён живёт. И с ним я не один.
И тут душа моя как встрепенётся,
Как только Пушкин где-нибудь пройдёт.
А что ещё поэту остаётся?
Когда ж сюда к нам Пушкин соберётся?
Я жду. Когда сюда придёт?

* * *

– Что будем пить? – спросил меня Ходулин. –
Вино иль чай? Иль кофе, может быть?
Я положил на стол две груши-дули
И пожелал стихами освятить.
Прочти ещё, мой друг, теперь уж сам…
Провёл рукой по белым волосам.
– Читай, Валерий! Пушкин слышит нас.
Читай, показывай свой класс!
– Папа, говори прозой, – трогаю я его за рукав.
– Мне так легче, – отвечает отец.
– Читаю! – встаёт Ходулин. – Пушкину и вам с сыном.

Терема – дома. Светлицы.
Лица яркие девчат.
Озорницы – кружевницы
Там коклюшками стучат.
Смотрят барышни из окон,
Кличут барина на чай.
На челе его высоком
Вдохновения печать.

И не знают хохотушки,
С кем же их судьба свела.
По Белёву едет Пушкин,
Едет в сторону Орла.
Он влюблён, свободен, молод –
Жизнь прекрасна на земле.
Встретит Пушкина Ермолов
В славном городе Орле.

– И вот, Валерий, – говорит мой папа, – я встречаю теперь тебя тут, в Малоархангельске. В глубинке,

в Серединной Руси, где русский дух, где Русью пахнет. Где Пушкин привечает нас…

– Мама скажет, почему тут в рассказе у нас много стихов? – говорю я папе. – Что скажем ей, папа?

– Потому что всё это про Пушкина.

– А что скажет Ходулин Валерий Георгиевич? В друзьях мы с ним много лет, а это такая редкость в литературе. Завтра 6 июня – День рождения Пушкина. И мы придём к Пушкину туда, к его пьедесталу. И, как всегда, будем читать стихи. Мы повторяли их сегодня, чтобы читать их и завтра, не забывать никогда. «Друзья мои, прекрасен наш союз».

ПИСАТЕЛИ ИЗ МОСКВЫ

Поехали мы в Москву все втроём. На день рождения тёти Лены – жены папиного двоюродного брата. Отметили дату у них в спальном районе, на Москворецкой улице. Тётя Лена и говорит:

– А теперь давайте отправимся в центр, например, на Тверской бульвар. К писателям. Там много всяких памятников, идут один за другим.

Долго стояли мы перед Сергеем Есениным – справа, с самого края. И дальше двинулись. В одном месте Тверской бульвар переходит в Гоголевский. Тут памятник Гоголю во всю высь, стоя. «Где-то поблизости ещё есть», – сказали прохожие». А где? – неизвестно.

И всё – таки мы нашли ещё одного Гоголя поблизости, в каком – то дворе. Гоголя Николая Васильевича другого, сидячего образа жизни.

– Видите, как сидит, – сказал папа. – Как птица какая-нибудь – цапля или дрофа с длинным клювом.

– Разве можно так про писателя говорить? – возмутилась мама. – Да ещё про великого.

– Можно, мне про Гоголя можно, – заявил решительно папа. – Потому что я люблю его, мне он как родственник.

– Как дядя Витя? – вмешался я в их разговор. – Твой двоюродный брат?

– Гоголь мне как родной, – ответил папа. – Очень близок по духу.

Мы спустились вниз по бульвару. Прошли очень близко тоже к близкому папе писателю, донскому казаку Михаилу Александровичу Шолохову с его «Тихим Доном». И только ступили под своды, как над нами ударили колокола. Звонил храм Спасителя.

– Знаешь, о чём колокола говорят? – спросил меня папа.

– О чём?

– Сергея Есенина мы увидели, – сказал задумчиво папа. – В центре. Великого, маститого поэта, национальное достояние, а вот когда он только в Москву пришёл из своей рязанской деревни, из Константиново, такого памятника мы ещё не видели. А он ведь есть, существует где-то на окраине. Хочешь, покажу?

– Ну, конечно, хочу!

Каменный Есенин шёл по траве с пиджаком, перекинутым через плечо. Всё было взаправду. И земля под ним то рязанская, то московская, а то и наша, орловская. И вообще российская, русская наша земля. Такой поэт! Всех в одну кучку, в одну страну собирает.

Остановился папа, как – то по-особому подтянулся да и стал читать и Сергею Есенину молодому, и себе, и мне:

– Ну, и тогда,
Когда по всей планете,

Пройдёт вражда племён,
Исчезнет ложь и грусть, –
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким Русь.

После того захотелось мне ещё какого – либо поэта увидеть, запечатлеть на фотографии. Вспомнили, что МГУ – Московский государственный университет – носит имя Ломоносова Михаила Васильевича. Поехали на метро туда к Ломоносову, на Воробьёвы горы. Постояли перед памятником, запечатлели помора – учёного, писавшего ещё и стихи силлабо – тоническим стихосложением. Хотели уже уходить, как справа увидели ещё одно изваяние. «И кого это, – думаем, – тут ещё изваяли?»

Подошли поближе, а тут трое стоят и о чём-то разговаривают.

– Что это за мужик? – подошёл поближе к ним папа. – Кого тут это ещё изваяли?

Перестали эти трое шептаться, смотрят на нас с удивлением. А папа как бы рассуждает вслух, сам с собой беседу ведёт:

– Видать, достойный человек, если памятник ему отгрохали. Если Ломоносов прямо перед университетом стоит – на фоне гармонии, симметрии, то этот человек, как отсюда глянуть на здания, на фоне его ассиметрии. Глядите, слева здание короче, а справа во – он куда уходит и переходит за основным корпусом в шпиль… Кстати, – обращается папа к трём этим мужчинам, – что тут, в самом этом здании? Вы в курсе?

– В курсе, в курсе! – обрадовались чему-то все трое. – Это тут размещается факультет физико-математических наук.

– А вы сами кто?

– Мы-то? – ответил самый младший из них, показывая на старшего. – Это академик… А это профессор, доктор наук. А я его аспирант…

– Да ну? – удивился папа. – Впервые в жизни вижу в глаза академика.

– А я, – подошёл поближе к нам сам академик, – впервые вижу простого, свободного человека, который так свободно говорит о гармонии. Интересно с вами поговорить. Может, зайдёте к нам сюда в деканат?

– У нас уж билет в кармане. Ехать надо в Орёл к себе, на Курский вокзал.

– Ах, в Орёл, – улыбнулся добрый такой академик. – Небось, писатель. Там у вас кузница кадров. Оттуда много великих писателей вышло…

– Мы тут по Москве на памятники писателям реагируем и фотографируем, – сказал мой папа. – Приехали сюда к Ломоносову.

– Так вас только русские писатели интересуют? – повернулся академик к профессору. – Только отечественные? Или, может, ещё и зарубежные, иностранного происхождения?

– А что, – лукаво взглянул папа на аспиранта, – можно и иностранного?

– Так вот, – протянул академик руку прямо перед собой. – Пойдёте прямо, справа останется наш университетский стадион. Как закончится – заверните направо, тут и увидите ещё один памятник, посвящённый литературе.

– И кому же? – поинтересовался мой папа.

– А не скажу, догадайтесь, – засмеялся академик. – Кому из троих? Все трое американцы. Кому из них – поэту Уитмену, прозаикам Марку Твену или О'Генри?..

Попрощались мы за руку да и пошли по пути, указанному академиком. Завернули за угол – действительно, памятник. Действительно, кому – то из лите-

ратуры. Кому же? Ни за что не догадаешься. Мы бы с папой выбрали Марка Твена или, в конечном счёте, О'Генри. А это – Уолту Уитмену! Это тот, который пишет стихи, свободные, замечательные стихи. Мы с папой их когда-то читали. Вот такие из «Листьев травы»:

«Одного я пою, всякую простую отдельную личность.

И всё демократическое слово твержу,
слово «En Masse»…
Жизнь безмерную в страсти, в биении, в силе,
Радостную, созданную чудесным законом
для самых свободных деяний,
Человека Новых Времён я пою».

Когда ставили этот памятник, сюда, говорят, присылали кого – то от правительства из самой Америки. Хоть Уитмен и поэт замечательный, а всё равно непонятно, почему это ему, Уолту, воздвигли тут у нас, в Москве, памятник, а не Марку Твену с его великолепными любимыми мною героями Томом Сойером и Гекльберри Финном?

В Орёл к себе мы привезли фотографии не только Гоголя, Сергея Есенина молодого и маститого, национальное достояние, но и американского поэта Уолта Уитмена.

ПУТЕШЕСТВИЕ В КОРЕННУЮ, К ПАТРИАРХУ

Мы долго готовились к этому путешествию и с нетерпением ждали его. Наступил октябрь. Было ещё не холодно, дождя не обещали. Проснулись мы ночью, электричка на Курск отправлялась около пяти утра. Из дому

вышли мы часа в четыре, в осенних лёгких куртках, с рюкзачками за спиной. Не раз бывали мы в Коренной – этом святом месте Руси, которое мы любим за чудесную ауру, красоту, покой, благодать. Обычно мы ездим туда летом из Малоархангельска, это близко: на электричке до Золотухино, затем автобусом полчаса до Коренной пустыни, а вечером тем же путём возвращаемся назад. Но сегодня поездка особенная. В Коренной будет освящение храма Рождества Богородицы, приедет сам Патриарх Кирилл – это большой праздник для христиан, для всех православных.

Мы вышли на станции Свобода, это близко от Курска, до монастыря километров пять, в такую рань никакого транспорта нет. Дорогу нашли сразу, было немало таких, как мы, все шли туда. Патриарх прибудет из Курска, служба начнётся в девять часов.

Пришли мы задолго до начала, народ стекался отовсюду, заполнял улицы, площадь перед монастырём, на которой мы увидели огромные телевизоры, чтобы транслировать всё, что будет происходить. Вход на территорию монастыря и в храм по пригласительным билетам. У нас их нет, но проходивший священник дал нашему папе свой билет, наш папа попадёт на богослужение. А мы останемся на площади смотреть и слушать перед экранами, всем хорошо видно и слышно.

Процессия началась ровно в девять, Патриарх Кирилл шёл впереди с иконой Божьей матери Знамения в руках. За ним шли священники, монахи в праздничных одеждах. Они прошли мимо нас через людской коридор – в монастырь, к храму. Началась служба и её трансляция, всё было очень торжественно и красиво. Кирилл говорил понятно, доступно, проникновенно. Читались и пелись молитвы, мы тоже как бы присутствовали там. Люди вокруг крестились, как и те,

что в церкви, читали хором «Отче наш», пели вместе с хором, все они верующие и сюда приезжают на все большие праздники, сегодня был великий праздник – освящение Патриархом нового храма Рождества Богородицы. Я впервые на таком торжестве, мне всё интересно, я взволнован. Мама берёт меня за руку, мы идём на территорию монастыря, служба закончилась, всем можно зайти внутрь, проходим, видим икону Знамения, установленную на возвышении на улице. Останавливаемся, кланяемся, затем идём к храму, папа ждёт нас, ведёт по храму. Его убранство поражает своей красотой и величием.

Из храма идём к Серафиму Саровскому – творению скульптора Вячеслава Клыкова, друга моего крёстного Валентина Чухаркина. Хорошие скульпторы, которых уже нет с нами. Мы долго стоим перед скульптурой Серафима Саровского (маминого покровителя, она по отцу Серафимовна), от святого исходит сияние, освящая всё вокруг. Осиянные, мы спускаемся по длинной лестнице вниз, к молодым вязам (моё дерево), посаженным здесь митрополитом Лавром из Америки. Затем проходим к многочисленным святым источникам вдоль реки Тускарь, пьём воду, которая снимает усталость, набираем водички с собой.

Начинаем восхожденье наверх, через сады, где ещё висят яблоки, берём несколько штук, кладём в рюкзачок на дорожку, приходим к музею маршала Рокоссовского. Это любимый папин маршал, мы всегда заходим сюда поклониться великому полководцу, освободившему и наш маленький городок Малоархангельск. Музей в большом великолепном парке: красивые аллеи, бюст Рокоссовского, памятник солдату, катюша, танк.

Все втроём посидели мы на скамейке, отдохнули, прошли по улицам Коренского посёлка. Здесь всё вос-

становлено, как и было когда-то. Мы знаем, что здесь были знаменитые российские ярмарки, сейчас эта традиция возрождается, наш сосед каждый год весной ездит сюда на ярмарку. Коренная пустынь снова стала посещаемым местом, сюда со всей России приезжают паломники, туристы. Большой дом паломника, мимо которого мы проходим, когда приезжаем в Коренную, очень красивый, с прекрасной вокруг территорией. Спасибо, Коренная! За благодать и радость, которую мы увозим с собой. До новых встреч, до свидания!

В ОРЛЕ, НА ДВОРЯНСКОМ ГНЕЗДЕ

Вернулись мы к себе в Орёл из Москвы с фотографиями отечественных и зарубежных писателей и задумались: «А что же у нас о своих, орловских, коренных писателях фотоальбома нет? Начнём с нашего великого земляка И.С. Тургенева. Он же ведь и орловский, в Орле родился, и человек мира. Полжизни прожил то во Франции, в Буживале, а то в Германии – в Баден-Бадене. Даже повести им об этом написаны «Вешние воды», «Ася»».

– «Вешние воды» папа? – говорю я. – Написаны Тургеневым про заграницу? А про Орёл что написано?

– Так целый роман! Крупный жанр, – смеётся папа. – «Дворянское гнездо». Так и называется, позабыл, что ли?

– Я не забыл, – говорю. – Даже помню, что скоро День памяти Тургенева, в самом начале сентября, и мы с тобой собирались идти… Пойдём?

– Ну, а как же, – сказал папа. – Как всегда ходим, каждый год, на это самое высокое, самое красивое место в Орле – на крутой откос, что над Орликом.

На этот раз мы с папой задумались… Как нам быть? Как и всем, прийти сюда к полудню, когда весь народ, со всего Орла, сюда стекается? Или, может, пораньше чуточку? А то чуть позже? Чтобы одним с Тургеневым побыть, поговорить по душам, наедине? Решили прийти немного пораньше. Когда тут нет ещё никого, и бродят между деревьями тени тургеневских героев, сидят в круглой белой ротонде над самой рекой, говорят о любви.

Присели и мы с папой в этой самой ротонде. И сейчас же к нам сюда откуда-то сверху стали спускаться призраки, тургеневские герои: Лемм со своей скрипкой, Лаврецкий и сама Лиза Калитина, дом которой стоит тут же – неприглядный такой, неухоженный. Не отпускают на ремонт средств, а без средств к существованию дом Лизы всё никак не встанет, не поднимется на ноги.

Но наших с папой фантазий это как-то не очень касается. Тургеневские герои всё равно интересны, красивы для нас, и он начал вслух читать для меня, для себя, для всего Дворянского гнезда свои стихи о Лизе Калитиной. Вот они.

Встречу её на Дворянском гнезде.
В белом, как будто в тумане.
После по городу вижу везде –
облики, предначертанья.
Дом деревянный, а возле него
бедная, бедная Лиза.
Лиза Калитина из ничего,
в белых божественных ризах.
Оба мы с ней не из наших времён,
оба мы с нею оттуда.
Кто-то тогда был в кого-то влюблён,
в нас продолжается чудо.

Лиза Калитина – вера в надеждах,
миг за калиткой, любовь.
Дом деревянный, и в белых одеждах
всё начинается вновь.

Мы встали. Вышли из ротонды и подошли к бюсту Тургенева, на деревьях вокруг которого, такими же язычниками, как и мы с папой, были развешаны молодожёнами всякие цветные платки, висели длинные полосочки, лоскуточки, как когда-то на этом примечательном месте. Конечно, наши давние предки, ещё до княгини Ольги, тоже развешивали так свои лоскуточки, платочки.

К Дворянскому гнезду начал стекаться народ, и наши видения кончились. Заменились чудесной реальностью. Приехали на автобусах студенты из орловских вузов, артисты из театра «Русский стиль», музыканты из музыкального колледжа. Началось представление. Звучали тексты из романа «Дворянское гнездо», перед нами проходили персонажи романа, одетые в костюмы той эпохи, актёры театра играли отрывки из романа. Устроители празднества очень постарались, чтобы мы почувствовали атмосферу жизни времён Лизы Калитиной, чувства героев, их переживания. Лаврецкий и Лиза были снова среди нас, мы разделяли их судьбу. После представления студенты раздали присутствующим цветы, чтобы возложить их к бюсту великого писателя. Настроение, воодушевление людей у памятника И.С. Тургеневу выражали надежду и уверенность в том, что всё здесь будет восстановлено, тем более, что благодаря усилиям многих дом Лизы Калитиной внесён в программу восстановления в рамках подготовки празднования 450-летия нашего славного города Орла. Люди уходили с праздника радостные и одухотворённые.

Папа мой наклонился ко мне и сказал на ухо, чтобы внести и свою лепту в гармонию праздника:

Кто мы такие? А гений от гения.
Кто мы такие в орловском краю?
Русские, русичи, дети Тургенева,
В каждом из них я себя узнаю.

ЯБЛОНЬКА ПО ИМЕНИ РАЯ

На плодово-ягодной станции мы познакомились с директором – доктором сельскохозяйственных наук Сергеем Дмитриевичем Князевым.

– Какая у вас звучная фамилия – Князев! – сказал мой папа ему, директору.

– Она и у вас не хуже, – ответил Князев. – Что я хотел вам сказать: это не плодово – ягодная станция, а ВНИИ (Всероссийский научно – исследовательский институт) селекции плодовых культур… Чего вы хотели?

– Да вот привёз вам три тома Докучаева, – подал я их в руки Князеву. – Наука! Видите, 1947-го года издания. Переиздано ещё с XIX века, когда статьи были написаны. Фотографии по томам, по возрасту. С женой – красивая такая! В девичестве Энгельгард, наверное, немка. Как Софья Андреевна – жена Льва Толстого…

– Интересно, и как тома к вам попали? – рассматривал Князев все три объёмных тома.- Вроде бы вы не учёный.

– Думаю, – ответил мой папа, – от того, что корень нашей семьи воронежский – Каменная степь. Это Таловский район, НИИ почвоведения имени Докучаева. Увидел, как в 80-е XX века « чистили» у нас библиотеки, ну и хотели выбросить. А я их пожалел, приютил. И лежали они у меня в Малоархангельске до поры до

времени… Собрался на «плодовку» за саженцами, думаю, дай-ка вам подарю…

Папа мой встал и стал расхаживать по кабинету. Присматриваться к вазе с крупными зелёными яблоками на директорском большом и длинном столе.

– Орловский синап, – выбрал Князев мне самое крупное. – Сорт выведен в нашем институте.

– А портрет – то над вами, – сказал папа, – не кого-нибудь, а Вавилова Николая Ивановича. Кормилец наш, вывел такие сорта хлеба, что работают на весь мир и сейчас.

– Знаю, знаю, – внимательно посмотрел на портрет учёного Князев. – Уважаю, потому и над столом у меня.

– Хотите я прочту про него из «Шекспирианы»? – улыбнулся мой папа. – Хотя бы такой сонет.

– Читайте.

– Сонет из «Стихии земли».

Да здравствует зелёная земля!
Росток – твой символ, дням потерян счёт.
Тот гномик пережил и короля,
Такусенький – и нас переживёт.

Пою тебя, мой карлик, мой цветок!
Твой злак – твой знак! Немного погодя,
Вавилов, мысля накормить Восток,
Умрёт, мой бог, в тюрьме, сам не едя.

На том и проверяются эпохи,
Науки, государства, самодержцы.
Коль урожая на ладошке, крохи,

Не жди добра, чернь выкинет коленце.
Да здравствуют такие короли,
Что обожают зеленя Земли!

– Приехал сюда к вам, на «плодовку», – сказал мой папа, – купить хочу у вас саженцы. Особенно антоновку. Очень люблю яблоки.

Князев вызвал по телефону сотрудника Диму, тот занимается саженцами. Дима посадил нас с папой в машину и отвёз на «карантинный» участок. Здесь и выращивают саженцы.

Бригадирша выбрала нам самый лучший саженец, самой лучшей антоновки.

– Вот какая кустистая, крепкая, – сказала она, заворачивая корни в пакет и подавая пакет моему папе.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Раиса Васильевна.

– Мы назовём яблоньку Рая.

– Урра-а! – закричал я, радуясь прибавлению в семействе нашего молодого сада в Малоархангельске. – Мы назовём эту яблоню по имени Рая, урра-а!

– Так и назовём, – поддержал меня папа.

Проходит время. Летит лето за летом, осень за осенью, и яблонька по имени Рая растёт, встаёт на ноги, цветёт и уже начинает давать плоды. Наша мама полюбила её, эту яблоню по имени Рая. Что она ей напоминает? Сад, может, рай, где «раи» летают, а яблоки – райские яблоки. Стоит мама под этой яблоней, раскрыв руки, как крылья, как будто хочет взлететь над ней, над её первыми яблоками. Папа любит яблоки, особенно такие – антоновские, а мама – саму антоновку, яблоню в нашем молодом уже плодоносящем саду.

КРЫША

Мы были на даче в Малоархангельске. Однажды ночью я спал глубоким сном на своём диване, как вдруг услышал, что

идёт сильный дождь. Я лежал, замерев, дождь не переставал. Потом шум дождя стал ровный, какой-то сплошной. И тут на руку мне капнуло, потом ещё и ещё. Утром я увидел, что стена у меня в спальне мокрая. Оказывается, крыша протекла, и на стене отвалилась штукатурка с обоями, как раз над моей головой. Я вскочил и побежал в другую комнату, где папа и мама уже пили чай.

На семейном совете было решено: надо крыть крышу. Непременно! Без крыши дом не дом, усадьба не усадьба, дача не дача. Началась подготовка к операции под названием «крыша». Мы с папой пошли в хозмаг смотреть стройматериалы. Всё, что связано с крышей. Продавщица показала нам кровельное железо самых различных сортов. Выбрали цвет шоколада, самый подходящий. Пришли домой, посчитали, стоя в саду, листы на крыше, сколько надо листов снизу до коника и сколько по конику с улицы до сарая. В бане разыскали почти новые железные отливы-желоба. Вытащили их оттуда и разложили по порядку, на первом дворе.

На следующий день мама пошла и узнала у своих подружек, кто в городке занимается крышами. Это были три брата, которые уже перекрывали крышу у одной знакомой, а у другой – положили на пол ламинат. Мама созвонилась со старшим, он у них за главного. Его зовут Роман. Рома явился, чтобы договориться обо всём, и сам тут же отправился в хозяйственный магазин. Вскоре все трое привезли на своей машине нужное железо, инструменты и стали резать листы по размерам.

Но тут случилась заминка: ребята хотели снять с крыши старое железо, с 1947 года, очень старое, присланное моей бабушке контейнером её сестрой Дусей из Львова. Но папа твёрдо сказал, надо положить но-

вое железо на старое: профиль лёгкий (новое железо), так будет надёжнее, крепче! Ребята согласились. И работа закипела. Старшие измеряли, резали, младший, лет двадцати, несмотря на жару в одних шортах, цепкий, мускулистый, сильный, легко передвигался по крыше с молотком; похожий на Геракла, он гнул и приколачивал старые швы. Грохот стоял неимоверный. Солнце было уже высоко, время близилось к полудню, жара усиливалась, градусник в тени показывал 30 градусов по Цельсию. Дело было в июле, очень жарко, зато без дождей. Работа спорилась, ребята уже были на крыше, спускаясь по большой лестнице, чтобы взять новые листы и бутылки с негазированной холодной водой, которые мама приготовила для них накануне. Воды не хватило, и мама давала ребятам успевший остыть в подвале компот, сваренный рано утром из прошлогодних сушёных яблок.

Оставалось покрыть треугольник крыши со стороны сарая, где ребятам пришлось убрать старые листы и заменить несколько негодных стропил. Свистели саморезы, ввинчиваясь в новое железо, прижимая его к старому, к доскам под ними. А световой день между тем закончился. Братья умылись под умывальником, оставили инструменты, сели на свою чёрную «Волгу» и укатили домой до завтрашнего дня.

Следующий день был опять жаркий, без дождя, для работы хорош. Ребята доделали коник, оставались отливы. Делать отливы Роман остался один, другие отправились срочно на какой-то важный объект. Роман привёз пластмассовые отливы. стал работать в одиночку. За день он сделал их на стороне дома от соседей. Отливы заканчивались трубой, по которой дождевая вода должна стекать на улицу. Отливы у нас во дворе железные, их надо было выровнять, скрепить секции, чтобы между ними не

текло. Роман их склеил специальным клеем. На этом всё закончилось.

Мама расплатилась с Романом, и он уехал, оставив у нас свою небольшую ловкую железную лестницу, на которой было удобно работать с отливами (как будто чувствовал, что придётся вернуться).

В августе начались дожди. Мы с тревогой услышали, как в месте скрепления частей отлива закапало. Вода шлёпала тут о «завалинку», в трубу на улицу не попадало ни капли.

Мы позвонили Роману, он приехал, скрепил желоб саморезами и уехал, довольный. Но в следующий дождь опять всё повторилось, вода лилась не в трубу, а во двор. Видно, надо было сварить электросваркой эти части отлива. А пока мозолит глаза у калитки лестница, ждёт своего хозяина – мастера по отливам. А его всё нет.

Мы же любуемся крышей издали, из сада, и с улицы, когда подходим к своему дому. Мы рады, что теперь в доме сухо, обои на месте, не страшны дожди и даже ливни. А ведь этот дом папа тоже строил вместе со своей мамой и своим дедушкой: мальчишкой таскал вместе с ними брёвна от военных блиндажей за три километра аж из Мурашихи, месил глину во дворе, помогал обивать дранкой стены и потолок. Рады мы все втроём, что дом теперь постоит под сенью нашего цветущего тенистого сада. Крыша теперь надёжно укроет нас, наш дом от ненастья.

«А ВДРУГ НАЛЕТИТ УРАГАН?»

Помню, это было 11 августа, не помню, какого года. В полдень было солнечное затмение. Мы с папой к этому готовились:

закоптили стёклышко, чтоб смотреть сквозь него на Солнце. Даже два стёклышка, каждому по стеклу. И когда затмение началось, Луной закрыло только половину Солнца. А что началось, что именно? Ветер откуда-то взялся. Тревога в нас поселилась. Страшно стало, а отчего – непонятно. Деревья в саду куда-то исчезли, дом наш сделался вдруг чужим. Даже дверь с ручкой позади нас, за спиной, перестала быть привычной, хотя мы её открываем по сто раз на дню…

Это было ещё на другой даче – в посёлке Синяевском. Лишь потом мы узнали, что именно в этот день, 11 августа, в Малоархангельске умер папин друг, его учитель по рисованию Иван Алексеевич Семеновский – автор памятника Пушкину, у пьедестала которому мы с папой после будем читать стихи…

Что и говорить, страшное дело – ураган! Года два тому назад случился, так до сих пор ещё деревья по автобусной дороге из Орла в Малоархангельск стоят наполовину сломанные, особенно у поворота на Куракино и с краю Глазуновки. У нашего дома в Малоархангельске тоже стоит берёза Большая такая, с тремя развилками, с которых свисают длинные ветви, развесистые рукава. Плакучая берёза, как и ивы, какие тоже бывают с такими рукавами, плакучими. Сколько раз налетал на берёзу сильный ветер, почти ураган, сколько раз клонил нашу берёзу к земле.

– Плакучая берёза-то, – говорю я папе.

– Ну и что, – отвечает мне папа.

– А то, а то! – говорю я взволнованно. – Как будто не понимаешь… А вдруг налетит ураган? Сломает берёзу, и повалится она нам на крышу. А мы крышу только что починили, вернее, заново накрыли «шоколадом»…

– Каким «шоколадом»? – смотрит отец на меня подозрительно.

– Ну, не «шоколадом», – отвечаю я папе. – А новым железом, железными листами шоколадного цвета.

– Выражайся точнее, – упрекает меня отец. – Русский язык требует точности.

– Русский язык требует ещё и образности. Это образно так говорить: крыша наша шоколадного цвета. В эпосе нашем, в «Слове о полку Игореве», говорится, что, когда князь Игорь собрался в поход на половцев, солнце было чёрным, чёрного цвета.

– Правильно, – говорит папа. – Было затмение, предвосхищало князю Игорю неудачу. Надо было отменить ему свой поход на половцев…

– Так его и не было, никакого похода, папочка, – вспыхиваю я. – Князь Игорь на половцев не ходил. Его в живых уже не было, древляне уже растянули его между двумя деревьями. Древлянский князь Мал это сделал. И Ярославна, жена князя Игоря, отмстила ему…

– Откуда ты всё это взял? – крайне удивился мой папа.

– Да у тебя же, папочка, у тебя всё и прочитал, – аж подпрыгиваю я на месте. – Вот она, книжка твоя, «Карнавал», а в ней твоя историческая драма в стихах «Великая псковитянка».

– Ну, ты даёшь, – уже значительно смягчается папа. – Любишь читать чужие книжки, пиши свои…

С утра пораньше встаём мы с папой и, как всегда, идём на огород. То окучить картошку, то помидоры подвязывать. Пока не жарко, чтоб голова не болела. Глянешь назад, на дом, – новая шоколадная крыша торчит между яблонь, берёза над крышей возвышается, а на макушке берёзы грачи. Сидят, нахохлившись, следят оттуда за нами, наблюдают. Какие дальнозоркие! И коварные. Ждут, когда мы домой уйдём.

– Как только уйдём, – замечает папа, – так они к нам на огород слетят. Всходы все, особенно огурцов,

потаскают… Вчера было двадцать пять всходов, а сегодня уже девятнадцать. Хоть подсевай…

– Давай палки воткнём, – говорю я. – И пакеты на них повесим.

– Зачем?

– А как в прошлом году… Грачи будут думать, что мы где-то тут, и пролетят мимо, на чужие огороды.

– Ишь, сидят! – говорит с досадой отец. – Разведчики. Своим сообщают, всей стае, где мы и что делаем. Сейчас мы их шуганём… Ш-ш-ш-ш! – берёт папа длинную палку, что- то вроде ружьё.

Грачи нехотя по одному слетают с макушки берёзы и перелетают к соседней липе. Смотрят оттуда, с соседской липы – такой же высокой, но менее развесистой.

– Надо берёзу подпилить…

– Папочка, – говорю я. – Это же всё равно, что человеку ноги подрезать, как он будет ходить?

– Не придумывай, – твёрдо стоит на своём папа. – Вон куда выбухала – до самого неба, под электролинию… Надо мэру Александру Сергеевичу сказать, чтобы приехали на машине, подрезали. А то каждый раз после сильного ветра только и знают, что по городу чинят крыши от поваленных деревьев…

Утром грачи, как штык, снова сидели на макушке берёзы. Ехидно смотрели на нас с папой, как мы трудимся тут у себя на огороде: тяпаем, поливаем, прорываем грядки, носим ботву.

– Семнадцать, – сказал папа. – На два меньше.

– Ш-ш-ш! Ш-ш-ш! – нацелил я на грачей длинную палку, похожую на ружьё.

Грачи даже не шелохнулись. А солнце сияло над нами, свысока смотрело на нашу берёзу у крыши, на новую крышу, на нас. Урагана, даже сильного ветра на этих днях не предвиделось.

НАШ ДОМ СТАНОВИТСЯ МУЗЕЕМ

Прошлым летом у моего папы был юбилей. Приехали даже те, кто никогда не приезжал. Ну, может, в незапямятные времена когда он был подростком или даже ребёнком. Это папины двоюродные: дядя Витя из Москвы и тётя Аля из нижегородского Дзержинска. Как вошли в дом, так сразу же перекрестились: на ковровую Казанскую божью матерь, висящую на стене, и на дедушку Герасима Макаровича прямо напротив. Над зеркалом во весь рост. Дедушка и их дедушка, как и мой: дядин Витин – отец отца его Максима Герасимовича, тётин Алин – отец её мамы, папиной тёти Дуси.

Перекрестились и мы с папой на дедушку Герасима. Не так давно, 9 Мая, мы с его портретом в Парк Героев ходили, в единственном числе мой папа изображал «бессмертный полк», который проходил в Год 70-летия Победы по всем городам России. Говорят, началось это в Томске, там живёт старшая двоюродная сестра папина тётя Лида. Она тоже должна была там нести фотографию дедушки или, может, отца своего Гавриила Герасимовича. Он ушёл на фронт отсюда, из Малоархангельска, в первый день войны и не вернулся. Как не вернулись, погибли уже в 41-м на главном, московском направлении все три дедушкины сына: Гавриил, Максим и Василий.

Вот мы с папой и носили дедушкин портрет к Вечному огню в Парке Героев. В День Победы, который, как поётся в главной песне о войне, эта победа у нас «со слезами на глазах».

– Какой красивый шкаф! – кивнул дядя Витя на шкаф бордового цвета, стоящий слева от входа в зальчик, возле окна.

– Дедушка сделал, – сказал, явно гордясь, мой папа. – Спасали его с дедушкой в сорок третьем году, когда немцы наступали. Уходили мы в Луковец за двадцать километров, тащили шкаф на себе. Везли на колёсиках… Особенно тяжело подниматься было в гору, на Мамошинский бугор, аж глаза на лоб вылезали…

Вечером, как садиться всем юбилеем за стол, стали раздвигать его, он раздвигается, делается длинным, всем места хватает, тётя Аля и говорит:

– Тоже дедушка делал?

– А кто же? – отвечает мой папа. – Вишь, какой! Дубовый, с крыльями, по обе стороны.

– Не дом, а живая история, – оглядываясь по сторонам, говорит дядя Витя, Виктор Максимович. – Прямо тебе музей семейный.

– Только семейный? – улыбается папа. – Здесь и Пушкин бывал. Праправнук поэта, Григорий Григорьевич, от старшего сына – Александра… Вот и сегодня сколько придёт сюда из нашего города, понаедут из других городов и весей. Даже из-за границы, вон мимо окна идёт Ольга Александрова, живёт в Роттердаме, Голландия…

– Можно к вам сюда, в ваш музей? – услышав конец разговора, ступает за порог папин ещё школьный друг, полковник в отставке Мозжухин Николай Кузьмич, приехал из Белгорода.

И обнимается с папой, протягивает книгу о Рокоссовском. Папа очень любит Рокоссовского, видел его во время войны, в 43-м, тут – во дворе старой школы.

– А у меня тоже такая-то, – смеётся дядя Коля. – Выписал тебе, Леонард, специально. Будешь свою эпопею об Орловско-Курской дуге писать, пригодится…

– Ещё бы! – улыбается другу мой папа.

– Ты у нас, Леонард, и прозаик, про зайцев пишешь, – как всегда, любит шутить дядя Коля. – И поэт, и певец, и на дуде игрец.

Надо же, лёгок на помине Садовский с баяном, Виктор Фёдорович, с которым они с папой поют иногда под баян в саду тут у нас на весь Малоархангельск. Втроём приехали на машине с Васичкиным и Ильиным из Глазуновки. Все трое друзья папины, как он говорит, закадычные. В разное время познакомились, в одном месте сошлись.

– Садитесь, дорогие мои, где хотите, – стоит в дверях мой папа, встречает гостей.

А маме слова некогда сказать, они с тётей Алей над столом хлопочут.

Замечательно прошёл папин юбилей! Под баян Садовского, под казачьи и русские народные песни. Расходясь, весело все глядели на дом, говорили:

– Не дом, а музей какой-то, весь песнями, стихами набит.

– С четвёртого класса стихи пишу, – стоя у калитки, провожал гостей мой папа. – А песни с седьмого… А пою и не упомню с каких времён…

Утром, за завтраком, папа и говорит:

– Говорили вчера про наш дом. Сейчас пойдём в город, я вам настоящий музей покажу. У соседки нашей Ларисы Семёновны Козелковой, в девичестве Рощиной. Учительницей в Воркуте была, так там чего только не насобирала…

– А тут? – спрашивает дядя Витя.

– Тут? – пожимает плечами мой папа. – И тут хватает. Даже наших там, у неё, три самовара…

Зашли. Осмотрели заполярную, северную и нашу, среднерусскую флору и фауну. И дальше потопали.

На кладбище цветы в корзинках поставили дедушке и матери моей Марии Герасимовне.

В центре города стали рассматривать памятник Пушкину, бюсты героям под пушкой. У Вечного огня, где мы с папой не так давно, 9 Мая, с дедушкиным портретом изображали «бессмертный полк». Кстати, в Малоархангельске кто только не бывал: и Жуков, и Рокоссовский, и Екатерина Вторая, и даже Анатолий Дмитриевич Медведев, когда был президентом.

– А до войны, Витя, бывал и твой отец – дядя Максим,- сказал мой отец дяде Вите.

– Городок-то маленький, а история великая, – согласился дядя Витя. – Прямо музей тут какой-то, музейный городок.

– Мы любим свой город. – улыбнулись мы с папой. – 5 сентября, как и в Москве у нас тут отмечают День города. Прямо от нашего дома вечером видим в центре огромный, в полнеба, салют. Со всей округи съезжаются люди. Высота, красота! Приезжайте и вы, дорогие родные! Мы ждём вас в наш тут «бессмертный полк» в Парке Героев. С портретом дедушкиным в руках.

ГРИБЫ ПОД ОКНОМ

Как мы в городе узнаём, что грибы появились? Идём с папой на угол, где бабушки всякое добро с огородов своих продают, и смотрим: есть грибы или нет? Есть! Только где-то в лесу появились, а они тут уже есть. Смело отправляйся в лес: грибы пошли…

А у нас в Малоархангельске грибы выросли прямо под окном. Под берёзой. Берёза большая, трёхствольная. Как герб у «незалэжной». Три ствола в разные стороны. Если спилить, вовсе станет похожей на герб…

Это я грибочки первый заметил. Иду по тротуару, глянул перед калиткой налево, а в траве что-то жёл-

тенькое. Пригляделся, ворохнул листья, а это грибы! Свинухи. Жарить на сковородке не жарят, а варить варят и солят. Да с перчиком, укропчиком, да с лучком или чесночком.

– Очень вкусно, – сказал папа. – Когда мама всё это нам приготовит.

Десять грибков под окном. Один в один. Точь в точь. Свинухи! Грибы хорошие, хоть и называются не так уж чтоб очень. Но ничего, можно есть, ни о чём плохом даже не думай. А думать надо только о хорошем. А хорошо уже это то, что по такому знаку у нас под окном мы узнали, что где то в лесу появились грибы.

С самого детства папа говорит, он ходил по грибы в Мурашиху. Это дубовая роща в трёх километрах отсюда. Слева, к Кокоревскому краю растёт дубовый крупняк, тут белые грибы обычно водились. А подосиновики – красноголовики – водились посерёдке, в мелком подлеске.

Раньше, после войны, из Мурашихи ещё и хворост носили. Сушняк. Печки топить. Соседка наша Анна Васильевна Колесникова, говорят, на всю зиму топлива себе на спине натаскивала… Это мне всё папа рассказывал. А сейчас хворост никто не собирает по лесу, не носит, зачем? Когда – то в город кузбассовский уголь завозили, а теперь Его Величество Газ! Вот сушняк в лесу и развёлся. А в сушняке перестали водиться грибы…

Но ведь грибы – то, грибочки пошли. А мой папа – грибник, а не рыболов, хотя прудов тут великое множество со всякой рыбой. Папа мой – охотник до грибов. Третья охота называется. Ходи, кому охота, по лесу и собирай грибок по грибку. Правда у нас тут не брянские, не калужские леса, а наши степные подлески и перелески. Тут грибы косой не косят. Потру-

диться надо, чтобы набрать лукошко. Но если повезёт, может и много попасться.

Пошла мама на базар, приходит и говорит:

– Тётки грибки продают. В самом деле, грибы появились.

– А где? – спрашивает папа.

– Сейчас узнаем, – говорит мама.

И набирает номер мобильника подружки своей, Манечки, Марии Тимофеевны Токмаковой. Та всё знает, что по городу и вокруг него делается.

– Манечка, – говорит наша мама в свой телефончик, – грибы появились. А где они тут у нас, в Малоархангельске, водятся? Как ты думаешь?

– На такси ездят в сторону Архарово, – отвечает Манечка. – Или в Орлянском лесу… А кому надо из спортивного интереса, так в посадки сосновые ходят. Совсем тут близко, за Танком…

– А-а, знаю, – обрадовался папа. – На бывшей «салотопке», от родника «из-под трубочки» вверх, на бугор… Собирайся, пошли…

Взяли мы плетёную корзинку, подаренную дядей Витей папе на юбилей, и отправились в лес. Пришли на этот край городка. Тут тебе и прудок с водой – хорошо гусей водить, и коровы пасутся с телятами, и машины одна за другой к роднику «из-под трубочки» за водой подъезжают. Куры, само собой, топчутся. Как у Салтыкова-Щедрина на острове, где один мужик двух генералов прокормил…

Смотрим, по буграм ещё пни торчат. Здесь был не так давно лес. От Мурашихи аж сюда через поле доходил. Папа говорит, немцы, когда пришли, так у них, на карте был обозначен лес ещё когда-то, в первую мировую. Готовились к войне.

Ну, и что? И пни тут, и даже остатки траншей – со стороны Глазуновки, немцев в сорок третьем ожи-

дали, наши собирались Малоархангельск оборонять. Как погнали наши их тогда, так очутились в Берлине. А теперь тут Танк стоит, тоже горит Вечный огонь. И грибы поблизости должны быть, грибочки…

Такая радость для папы! Да и для меня.

Первый гриб попался папе. Свинух. Хороший такой, крепкий. Щёлкнешь по ножке, аж звенит. Потом опять свинух. И опять папе. Потом белый. И опять папе.

– Грибы ко мне так и липнут! – смеётся папа. – Слово такое знаю. Захожу в лес, говорю: «Спасибо тебе, о лес! Что добром встречаешь, что щедр ко мне! От души даришь свои дары»…

Потом белый гриб попался мне. И целых четыре вокруг него, по дорожке, один за другим. И все мне.

Папа аж оторопел. Как же так? Он лес благодарил, а лес одаривает не его? А потом успокоился: «Ничего, ничего! Корзинка – то у нас одна, общая. Сковородка дома будет одна. А ты ведь мой сын, а сыну мне ничего не жалко. Ты, Игорь, всегда во всём у меня на первом месте »…

Корова прошла близко. Потом ещё две коровы. И голос чей-то. Мужик возник:

– Идите туда вон в лощинку, там грибов побольше.

– Ничего, ничего, ничего! – запели мы с папой и зашагали к лощинке – туда, поближе к Танку, стоящему у сосен здесь высоко на пьедестале.

Домой мы возвращались с корзиной, полной грибов. Всяких. Свинухов, белых и даже жёлтых. Один такой мне попался. Зато моему папе попался белый. Самый большой. В сосёнках замелькали маслята – весёлые ребята. Все в листве и иголках. Мама такие не любит, чистить надо, плохо вычищаются. Зато вкусные.

Пришли по улице к своему дому. Вон откуда берёза видна. Подошли к ней, словно к целому лесу, ска-

зали: «Спасибо тебе, о Берёза! За то, что ты дала знак нам, что мы в лес сходили, что несём домой грибов корзинку целую. Спасибо, что мы побывали в лесу».

СЛИВА – ЧУДО

Расскажу историю о чудо – дереве в нашем саду, о сливе. У нас много слив, они растут от косточек всюду, их приходится удалять, чтобы они не засоряли сад. В основном это деревья с тёмными плодами, называются они чернослив: ягоды сладкие, средней величины, но в них не отделяется косточка, их трудно перерабатывать и даже неудобно есть. Другой сорт слив – тёмно-лиловые, с красноватым оттенком, с отделяющейся косточкой, хороши, но растут они на улице, под окном. Мы не раз пытались затащить их в сад, рассаживая косточками и черенками – никакого результата, косточки не всходят, кустики превращаются в колючки.

И вот решили мы купить сливу. На рынке молодой парень продавал саженцы из питомника: расхваливал их, говорил, что сливы и сладкие, и крупные, и косточка отделяется, и урожай начнут давать через пару лет. Купили мы крупный саженец не задёшево, посадили на хорошем месте, стали ждать. Год проходит – слива растёт; второй год – слива становится большой, ствол крепкий, ровный. Радуемся. Проходит третий год: видим весной, что стала наша слива красавицей: высокая, стройная, с пышной кроной. Зацвела, и ягоды появились. Но летом оказалось, что не держатся на ней ягоды: засыхают, опадают – урожая никакого, даже покушать не можем, что за слива.

На следующий год история повторяется, ягоды появляются, но не наливаются, не зреют, твёрдые, как

камень, а потом засыхают и падают. Папа уж нервничает, хочет удалить сливу, заменить другой. Правда, мы на даче не жили всё лето, то приедем, то по делам уедем, бывает, нет нас по две недели, и даже больше. А в последнее лето получилось так, что дача не была без нас: кто-нибудь всегда оставался, а чаще мы были тут все втроём.

Начали мы к сливе приглядываться, жалко такую красавицу убирать из сада. А когда началась жара, поливая овощи, мы поливали и сливу. Она такая большая выросла, вон сколько слив на ней, её же поить нужно. Не пропускали ни одного дня. Видим, ягоды держатся, всё крупнее становятся, но август на носу, а они всё равно твёрдые-претвёрдые. Другие, обычные сливы начинают темнеть, созревать, а эта всё в одной поре: тёмная, чуть синеватая.

Прошло ещё какое-то время, и вдруг однажды утром увидели мы нашу красавицу, стройную, всю в голубом. На расстоянии она смотрелась как синее чудо: зрелище удивительное. Благодаря обилию ягод видно было только красивое, синее дерево, будто и не было зелёных листьев. Просто синева ягод заставляла забыть о зелёных ветвях. Ягоды не падали, но оставались несъедобными, никак не зрели. Так продолжалось до конца августа, нам пришлось уехать, и приехали мы недели через две. Когда не было той жары, прошли дожди, слива обошлась и без нас.

Приехав, мы тут же пошли в сад, бросились к сливе. Плоды висели красивые, крупные, сочные, попробовали – косточка легко отделялась. Слива созрела! И была такой сладкой, такой вкусной, необыкновенной. Мы собрали ягоды, угостили друзей, привезли полное ведёрко слив в город. Угощали родственников, приятелей, хотелось, чтобы они тоже отведали таких вкусных, больших, таких замечательных слив.

Оказывается, слива эта относится к поздним сортам. Летом надо о ней заботиться. Вот такая история вышла у нас с красавицей-сливой в нашем славном гефсиманском саду.

КУСТ ХРИЗАНТЕМ

Накануне маминого дня рождения мы отправились на Рынок Выходного Дня, чтобы купить продукты и цветы для мамы. Мама родилась 19 октября и очень любит осенние цветы хризантемы. Их тут великое множество, всех цветов и размеров, выбор огромный. В этот раз мы сначала купили творогу, мяса, яблок, затем подошли к цветам. Мы любовались всякими цветами: жёлтыми, белыми, фиолетовыми, синеватыми. И вдруг остановились, как вкопанные, перед огромным букетом некрупных хризантем удивительного малинового цвета, они горели так ярко, просто светились, сияли все изнутри. Это была такая красота – невозможно оторвать глаз. Мы бросились к этому букету, огромная охапка цветов, которую надо было нести перед собой двумя руками. Женщина, продававшая цветы, попыталась охладить наш пыл, сказав, что этот букет не для вазы, а для посадки, он с корешками, и этот образец она не продаёт. Мы стали её уговаривать, она согласилась, наконец, но повысила цену, что не смутило нас, папа сказал, за красоту надо платить.

Довольные, мы вернулись домой и поставили цветы в вазу вместе с корешками, завёрнутыми в бумагу. Два следующих дня, до маминого праздника, мы начинали утро с того, что, заходили в комнату, где стоял наш удивительный букет и заряжались энергией на весь день.

День рождения прошёл весело. Приходила мамина кузина с внуком Мишей. После обеда мы пили чай с маминым яблочным пирогом, Мишина бабушка Рая называет его фирменным, наверное, потому, он всегда получается вкусным. Папа спел романсы «В том саду, где мы с вами встретились, мой любимый куст хризантем расцвёл», а затем «Уж давно отцвели хризантемы в саду». Так наш букет стал участником праздника. А Рая вдруг предложила нам посадить этот куст на нашей даче в Малоархангельске. Всем ужасно понравилась эта идея. Мама сразу оценила Раино предложение и сказала, где именно нужно посадить хризантемы в саду: под яблоней, где большой стол и где мы обычно сажаем герани. Куст этот впишется в ландшафт, и каждый день, проходя по дорожке, можно будет смотреть на него, здороваться с ним и видеть, всё ли в порядке. Конечно, мы будем ухаживать за ним.

В первую же субботу после Дня рождения мы поехали на дачу, благо, что на улице было тепло, светило солнце, осень в этом году необычная: много тёплых солнечных дней, самое время сажать хризантемы. Мы с папой отвезли наш куст в Малоархангельск, посадили на выбранном месте, хорошенько полили, подкормили, пожелали ему хорошо перезимовать и ожидать нас весной. В нашем саду много цветов: есть тюльпаны, нарциссы, роскошные пионы, любимые нами ландыши – «светлого мая привет». С середины лета до самой осени у нас тут цветут флоксы, а вот осенних цветов, сетует мама, нет. Теперь куст хризантем будет радовать глаз и в сентябре, и в октябре, на Покров. А это очень большой праздник, мама никогда не забывает его. Чуть позже, 19 октября, у неё День рождения. Этому дню Пушкин посвятил одно из лучших своих стихотворений «19 октября», где есть такие слова «Друзья мои, прекрасен наш союз, он как душа неразделим и вечен», обращённые к

своим друзьям по лицею. Это стихотворение читается у нас в семье каждый год и именно 19 октября. Теперь в России этот день стал Днём Лицея.

Домой мы вернулись радостные, украсив наш сад необыкновенно красивым кустом хризантем. Теперь, когда осенью деревья надевают свои лучшие наряды, мы каждый год приезжаем сюда, чтобы увидеть красные гроздья рябины, которой, как в народной песне, всё никак не удаётся перебраться к жёлто-зелёному дубу, оказавшемуся в нашем саду от неё на расстоянии. Не устаём любоваться одетой в золото берёзой перед нашим окном, любимыми маминими клёнами, одетыми в багрец и золото (по календарю друидов клён – мамино дерево). Ну, а куст хризантем, по словам мамы, как аленький цветок, будет гореть теперь днём и ночью в нашем осеннем саду.

ХЛЕБНОЕ ДЕРЕВО

По Орловскому телевидению передали, что у нас в городе проходит Праздник хлеба, посвящённый хлебопекарной промышленности. К нам приехали гости из многих регионов России (Курск, Брянск, Владимир, Самара, Майкоп и другие). И всё это происходит где-то на окраине Орла, в Мега-Гринне – самом большом торговом центре города, где мы ещё ни разу не бывали.

– Надо съездить, – сказал папа. – Посетить, глянуть масштабно на хлеб наш насущный.

– Ну, конечно, съездим, – поддержал я папу за завтраком.

А мама молчала, она уже там побывала. Её очень заинтересовал белый мёд из Адыгеи, который там продавался.

На маршрутке в 909-й квартал, которая ходит туда, за «Ботанику», почти до железной дороги на Брянск, мы домчались быстро. А дальше надо или трамвайчиком, или пешком. Поднырнули мы под мост, к первому трамвайному кольцу у завода «Дормаш», глянули вперёд: вот это да! Чего только тут ни понастроено в последнее время! Папа даже не подозревал.

– Помните? Мы жили там, ещё дальше, – сказал он. – В одном из трёх домов, в среднем, в общежитии завода «Химмаш». И оттуда трамвайчиком ездили в город… Так на этом месте был огромный пустырь, а теперь, глядите, целый квартал современных зданий…

Много чего интересного увидели мы в Мега-Гринне: комплекс из магазинов, ресторанов, гостиниц, огромный концертный зал, спортивные сооружения. Перед центральным зданием – аллея орловских писателей-классиков, тут же железная дорога, на ней локомотив и поезд «Орёл – Париж»… Но мы же приехали на хлебную выставку! Со своей продукцией здесь были даже армяне, даже афганцы, у которых мы попробовали чипсы «слоновье ухо».

Конечно, интересно было посмотреть наш регион. Особенно понравилось «Хлебное дерево» из Глазуновского района, хорошо была представлена продукция Малоархангельского хлебокомбината. Всюду проходили дегустации, что-то можно было купить. Мама купила мёду, который присмотрела накануне, вкусные московские кексы, которые положили ей в симпатичные пакеты. Наши земляки из Малоархангельска угостили нас вкусным гречневым хлебом. От праздника мы получили огромное удовольствие! Всё это забылось бы со временем, осталось бы лишь на фото. Оказалось, что праздник имел продолжение благодаря ближней к нам Ярмарке Выходного Дня по субботам и воскресеньям.

Приходит наша мама как-то в субботу с ярмарки, тащит целую сумку всякой еды. Поставила на своё деревянное кресло белорусского производства и говорит:

– Всё! Больше одна на рынок ходить не буду!.. Федечка, будешь брать сумку на колёсиках и возить в ней отдельно малоархангельский хлеб.

– Малоархангельский? Хлеб? – удивились мы с папой.

Папа больше всех у нас ест всякое хлебное из «Буланжери» (мама приучила нас называть эту булочную по-французски). Тут мы покупали ржаные лепёшки, заварной хлеб, «бородинский». Белого папа не ест.

– Ну-ка, ну-ка, – первым, как всегда. полез папа в сумку с хлебными изделиями. – Ничего себе!.. Ржаные лепёшки по две в упаковке, пирожки с яблоками, как пироги, кулебяка из капусты по цене пирожка в нашей «Буланжери», сочники с творогом, а не с творожным продуктом, гречневый батон и большой кирпич настоящего «бородинского» хлеба с тмином, хорошо пропечённого.

– Почти на двести рублей, – сказала мама.

– Что это с ними случилось? – удивился папа. – Непонятное что-то. То летом мы в Малоархангельске не едим местный хлеб, покупаем курский, а тут накупила на всю неделю.

И мы не ошиблись. Всё было отличного качества, всё было вкусно.

В следующую субботу мы все втроём пошли на рынок, взяли с собой сумку на колёсиках. В этот раз купили всё, что и в прошлую субботу, прибавив фитнес – булочку и упаковку хлебных пирамидок.

– Ну, что, Галя, покупают у вас хлеб? – спросил папа знакомую продавщицу из хлебного магазина в Малоархангельске.

– Ещё как, – разулыбалась Галя. – Хорошо, что вы рано пришли, а чуть позже гречневых батонов уж не было бы. Через пару часов всё сметут, можно будет возвращаться домой.

– Вот какое чудо! – сказал я. – То приходили – никого, а то очередь. С чего бы это? Малоархангельских, что ли, много сюда переселилось?

– Всё дело в качестве, – похлопал по плечу меня папа. – Продаётся многое, а раскупается лучшее. Рынок – это место, где всё узнаётся быстро даже без особой рекламы.

– А почему всё у них стало вкусным? – снова спрашиваю я.

– А помнишь Праздник хлеба, «хлебное» дерево? Вот, где всё началось. Очень полезны такие праздники-конкурсы. Они показывают, куда нужно двигаться, как зарабатывать через повышение качества. В общем, как печь вкусные пирожки.

Позвонила мама своей подруге Манечке, Марии Тимофеевне в Малоархангельск и стала рассказывать ей, что мы покупаем здесь на рынке, какие малоархангельские хлебные изделия и какие они вкусные. Мария Тимофеевна удивилась: гречневых батонов, хлебных пирамидок у них в магазине пока что нет. Мама сказала, что, конечно, всё и у них будет, как и у нас. А пока накануне Нового года мама передала пакет своим подругам, положила в него откидные новогодние календари с обезьянками (2016-й – год огненной обезьяны), не забыла положить им туда и гречневого хлеба. Вкусно! Полезно! Пусть наш Малый город кормит своим хлебом областной Орёл. Пусть везде будет вкусный хлеб. С хлеба, с Русского поля начинается Родина.

АНДРЕЕВСКИЙ КОЛОДЕЦ

У папы среди друзей есть журналистка Марина Карлова, она работает в районной газете в Колпне, пишет хорошие стихи, и они общаются с папой. Однажды Марина привезла папе рукопись, сказала:

– Вячеслав Гаврилин, почитайте.

– Где живёт он? – спросил папа.

– В Андреевке, – ответила Марина. – Мичман в отставке.

На какое-то время папа забыл о рукописи. Я напомнил ему о ней. Решили почитать вместе. Рукопись из Андреевки, а все мы знаем, что там Андреевский колодец, святая вода.

Наше занятие прервал телефонный звонок, междугородный. Оказалось, из Западной Сибири. От тёти Лиды, папиной двоюродной сестры. Мы друг про друга всё знаем. Папа с ней вместе прожили всю жизнь, а сейчас тётя Лида живёт в Томске, у своей дочери Оли.

В папиной семье, начиная с его мамы, моей бабушки, чудесная закономерность: разница в возрасте восемь лет. Старшая у них – папина мама, моя бабушка, она была с 1911 года, её сестра Дуся – с 1918, тётя Лида – с 1927 и так до папы. В 1943, когда Малоархангельск освободили от немцев, тёте Лиде было 16 лет, теперь она уже в почтенном возрасте. Звонила она в свой День рождения, седьмого декабря. Папа сказал, что он не забыл в этот раз её День рождения, перенося его по ассоциации с её годом рождения на 27 декабря. Просто она его опередила своим звонком. Папа поздравил свою любимую сестру, передал поздравления от нас, приветы Коле, её мужу, дочери Оле, всем сидящим там у них, за столом. Потом папа позвал меня к себе и говорит:

– Давай я тебе расскажу историю одну, связанную и с Лидой, сестрицей моей двоюродной, и с Андреевским колодцем, со святой водой...

– Давай, рассказывай, – присел я к нему поближе.

– Так вот, в сорок третьем, где-то в сентябре, когда мне было восемь лет, я пошёл в первый класс, в школу. Война уже далеко, за Глазуновкой. И тут я подхватил скарлатину. Болезнь вроде ангины, горло болит, только гораздо опаснее… Я-то маленький, мне ещё ничего, а для подростков, взрослых она куда страшнее, можно и умереть. Лиде было шестнадцать, все мы находились в комнате вместе, не было никакой изоляции. Передо мной на стуле была еда, хорошая еда, которой всем тогда не хватало. Я не мог есть, больно глотать, а Лида рядом, что-то схватила у меня со стула и заразилась. Конечно, скарлатиной.

Я уже на поправку пошёл, уже сам на улицу в туалет выходил, а Лида впала в беспамятство. Ночь напролёт вскакивает, всё куда-то бежать ей надо, за какой-то святой водой. Дедушка наш Герасим Макарыч пиджачок подле её постели бросил и прилёг, чтобы Лида через негоне переступила, никуда не ушла. Приходила медсестра с соседней улицы, уколы делала, красный стрептоцид приносила, как раз для фронта, для раненых, его стали изготавливать. Так она стрептоцид давала Лиде. А Лида своё:

– Пить, пить!.. Святой воды мне… Из Андреевского колодца…Из колодца Андреевского…

Наутро, чуть свет, дедушка собрался и ушёл в Андреевку. Это как раз на полдороге между Малоархангельском и Колпной. Метров в трёхстах от границы районов, направо, в лощине, где лоза и ракиты. Из Малоархангельска туда и обратно километров сорок, ну, может, и больше.

Ждём мы дедушку, как Бога. До самого вечера.

Вот и он! Лида схватила бутылку и давай пить жадно, крупными глотками.

– Ну вот, – вздохнула она. – Теперь буду жить.

И поставила бутылку обратно на стол.

Удивительно, правда, чудо какое. К вечеру Лида встала на ноги и сама вышла на улицу...

– Вот какое дело, сынок! – сказал мне папа. – Что такое Андреевский колодец, святая вода.

Набирает папа номер мобильника Александра Михайловича Полынкина, известного краеведа. Всё знает обо всех творческих людях, что живут на юго-востоке области, вокруг Малоархангельска.

– Александр Михайлович, дорогой, кто это там в Андреевке живёт? Какой-то мичман в отставке.

– А-а-а, – засмеялся Полынкин. – За Андреевским колодцем присматривает, написал даже книгу о нём.

– Молодец мичман! – говорит папа. – Надо почитать.

Взял папа тоненькую рукопись, что вручила ему Марина Карлова и с первого же абзаца, как закричит:

– Да ты глянь, как написано! Про Одессу и Севастополь, про Чёрное море… Как юнга севастопольский – Кирюша из Севастополя…

– Папа, – говорю я ему, – мичман и тут у нас в Колпне выбрал воду – Андреевский колодец, святая вода…

Быстро летит время, пулей. Вот уже и апрель. Вот-вот нам всей семьёй ехать на дачу – в наш Малоархангельск, к родному дому. Как приедем, так вскоре на автобус «Малоархангельск – Колпна». И на полдороге, за Хмелевым, выйдем. И пойдём направо к святому Андреевскому колодцу.

Едем к мичману. Открытие ждёт читателей в очередном номере журнала «Русское поле»: публикация его рассказа про Одессу и Севастополь. Разве не чудо – талант? Андреевский колодец, святая вода. Мы с папой верим в чудеса, и с этой верой как-то легче живётся.

СУШЁНЫЕ ЯБЛОКИ

Наш сад – в маленьком городке, что в 70 километрах от Орла. Сад большой, но очень старый. Его сажали ещё после войны, когда моему отцу было лет восемь. Теперь деревья, по словам родителей, словно «эвкалипты», такие огромные, мы их опиливаем, окапываем, белим. Есть и молодые яблони, посаженные нами не так давно, но кормят нас яблоками всё ещё старые яблони. В один год на них яблок больше, в другой – меньше, но нам хватает, на рынок летом не ходим. Сорта отличные: настоящая антоновка, осенью жёлтая; собранная лежит в ящике, запах на весь квартал. Бельфлёр – китайка долго не лежит (август да сентябрь), зато яблоки крупные бело – розовые, красивые, очень сладкие, есть у нас и «штрифель», коричневое полосатое, и другие сорта. Конечно, главные деревья в саду – это яблони. Мама считает, что сад – это роскошь, а возделывать сад – благородное дело, сад – это пространство, которое делает человека счастливым. И это правда.

В саду работать не так утомительно, можно сесть на скамейку и отдохнуть, а вечером сиди в саду и смотри на звёзды, здесь множество птиц, и все поют на разные голоса. Мы любим наш сад. Мама повторяет слова из Марины Цветаевой, её стихотворения «Сад».

Пошли мне сад на старость лет,
Прохладный сад и сад в тиши
Для отпущения души.

Я спрашиваю, что такое «отпущение», она отвечает, что это можно понимать, как утешение, радость. Радует в саду всё: начиная с любимой маминой малины, потом папины вишни, чёрная и белая смородина;

а куст белой смородины, крупной и очень сладкой, я обожаю. После вишен наступает время слив. В последние годы, когда летом бывает жарко, всё созревает почти одновременно. Тогда у нас много работы. Мама варит малиновое варенье, мы с папой протираем смородину с сахаром, освобождаем вишни от косточек для конфитюра, но все у нас любят ещё и джем из слив. Папа просит сделать не очень сладкое повидло из яблок. Часто мы с ним помогаем маме резать яблоки, одной ей не справиться. А ещё в жару мы сушим яблоки, чтобы зимой на новый год не пить какой-то лимонад, а очень вкусный и полезный компот, в который мама добавляет немного мёда.

Мы сушим яблоки ещё и для наших родных и друзей. Мама посылает их своей подруге в Санкт-Петербург, своей сестре на Урал, другой сестре – в Архангельск.

У папы есть любимая двоюродная сестра Лида, в детстве она жила вместе с ним в этом маленьком городе. Потом уехала учиться, выучилась и поехала на Алтай работать, но часто приезжала сюда, в свой родной дом, который строили все вместе, особенно дедушка, она помнит и любит и дом, и сад. Сейчас ей много лет, мы общаемся по телефону, посылаем друг другу подарки, но лучшим подарком для папиной сестры Лиды бывают сушёные яблоки и боярышник из родного сада.

Боярышник она заваривает и пьёт, он помогает ей от сердца, а сушёные яблоки она ест, как конфеты, и говорит по телефону, что они вкуснее всяких конфет. Мы их сушим в теньке, они высыхают за пару жарких дней: беленькие, сладкие или чуть с кислинкой, если из антоновских яблок.

В этот раз вместе с яблоками мы послали ей и сушёный боярышник, который не растёт в Сибири, теперь Лида живёт у дочери в Томске. Боярышник

ей нужен, чтобы сделать лекарство. Нам приятно это делать для папиной сестры, а ей наши нехитрые подарки доставляют большую радость, вызывая в памяти воспоминания о детстве, о родном доме и нашем тенистом яблоневом саде.

КАК МЫ ЧИТАЛИ ТОЛСТОГО

В стране завершался Год литературы. Целых четыре дня в декабре днём и ночью по каналу «Культура» читали «Войну и мир» Толстого. Решили и мы почитать, как и все, по странице, две минуты чтения каждому. Мама предложила читать из романа французский текст, по-французски. Дело в том, что все трое мы франкоговорящая семья: мама преподавала французский в университете, папа ещё в школе с пятого класса обучался французскому, ну, а меня в такой семье с детства учили тоже французскому.

Выбрали мы с мамой в квартире диван, кресло для папы и стали читать. Сначала, конечно, мама. Она у нас самая продвинутая, больше всех имеет дело с французским, с французами держит связь. Прочитала, Говорит про своё чтение: хорошо, но без тренировки, не очень, можно было бы лучше.

Стал читать и я. Тоже по-французски. Прочитал страницу. Послушали, подумали. Мама повторила: хорошо прочитал, но не очень, можно было бы и получше. А вот любителем поэзии Толстой не был. Из поэтов любил одного Фета. Сам же лично написал лишь «Солдатскую песню».

– Знаем, знаем, – не стал возражать ей папа. – Вот что сказал об этом Толстой: «Писать стихи – это всё равно что пахать и за сохою танцевать. Это прямо – таки неуважение к слову». А у самого Льва Николае-

вича было очень даже большое уважение к слову. Особенно к русскому… Вот я и буду читать свою страницу «Войны и мира» по-русски, на нашем великолепном русском языке, которым был написан роман Толстого «Война и мир»…

Не станем приводить тут, в этом рассказе, ту страницу, которую прочитал за свои две минуты мой папа, отец. Текст Толстого широко известен. Обратим внимание на то, что скоро нам идти в библиотеку имени Бунина и проводить презентацию журнала «Русское поле» №3, посвящённого Году литературы, где, между прочим, имеются тексты менее известные, зато про самого Льва Николаевича Толстого, написанные с большим чувством известным туляком поэтом Валерием Ходулиным.

Пойдём в «Бунинку», возьмём и выберем что-нибудь из его стихов о Толстом, опубликованных в этом номере журнала. Рубрика так и называется «В гостях у Льва Толстого».

ДРУГ ТОЛСТОГО

Душану Маковицкому –
домашнему врачу и другу
Льва Толстого

Появился он в Ясной Поляне
В самый трудный и сложный момент,
И в его небольшом чемодане
Медицинский лежал инструмент.

Приглашённый графиней Толстою,
Говоривший по-русски с трудом,
Покорил он своей добротою
От велика до мала весь дом.

Только мир не кончается домом,
И для яснополянских крестьян
Скоро стало родным и знакомым
Необычное имя Душан.

И когда он по Ясной Поляне
Шёл, к большому ребёнку спеша,
Вслед ему говорили крестьяне:
– Человек, одним словом – душа.

Что искал он, по свету блуждая?
И зачем его поезд увёз
Из словацкого горного края
В это царство российских берёз?

За богатством приехал?
Едва ли…
Разве мог он богатство скопить,
Коль сердился,
Когда предлагали
За леченье ему заплатить?

И себя ощущая крылатым,
Понял он своим чувством шестым:
Можно быть лишь духовно богатым
Рядом с тем, кто зовётся Толстым.

Разве можно хватать чаевые?
Разве можно мусолить рубли,
Если вот она –
Совесть России,
Да, пожалуй, и целой земли.

Не жалея ни сил и ни знаний,
Не стараясь нажить барыши,

Был он лекарем тяжких страданий
Беспокойной толстовской души.

И когда нестерпимая рана
Омрачала страданием лик,
Не жену,
Не детей,
А Душана
Звал на помощь великий старик.

– Вот это, – сказал мой папа, – я когда-нибудь и прочитаю в Бунинской библиотеке. Перед всеми. Не постесняюсь. Хоть перед самим Львом Толстым.

Мы приходим сюда и слушаем, как читают тут про писателей, про Толстого, да и не только про Толстого. Про всех тех мастеров русского слова, живого и гибкого, могучего и свободного, неподкупного, бесконечно родного русского Слова. Ну, а про Льва Толстого мы говорим по-особому, с гордостью за нашего светоча, кумира, национального гения.

НАГРАДА ЛЬВА ТОЛСТОГО

Шёл пятый. Вовсю свистели плети.
По всей стране – кровавые следы.
Россия отмечала полстолетья
Великой севастопольской страды.

Что ж, не дошла медалька – и не надо.
Она, небось, от крови солона.
Ему уж уготована награда-
Бессмертьем называется она.

Пускай Толстой награды не получит,
Он совести своей не замарал.

На бастионе –
Храбрый подпоручик,
В литературе –
Грозный генерал.

ОЖИВАЮТ МАШИНЫ

Зима. Декабрь. Дело к Новому году, а на улице дождь. Температура бьёт все мыслимые и немыслимые рекорды. Задёрнул я плотной шторой окно в своей комнате, прилёг на диванчик, да и провалился в сон, как в глубокую яму. И снилось мне, как будто машины оживают вдруг, становятся живыми. Особенно легковушки, которых неисчислимое множество прямо у нас под окном. Утром они куда-то деваются, на работу уезжают, а вечером, к ночи, откуда-то берутся, едут и едут, пока весь двор не забьют всякими своими марками – иномарками: «Нивы», «Шевроле», «Жуки», вездеходы, «Судзуки», «Роллс-Ройсы», «Москвичи», даже «Запорожцы», даже какие-то самодельные.

Машин в нашем городе больше даже, чем людей. По две-три штуки в семье на одного человека. Слава Богу, у нас ни одной. Некому ездить. Папа говорит:

– Я уже старенький, мама старенькая, а ты, Игорь, к машине так и не приохотился. И хорошо! «Гаишникам» в лапу не давать, в кювет свалиться опасаться не надо, дорожные законы не для нас пишутся и принимаются.

– Я вообще ненавижу автомобили! – заявила мама, а она у нас умная. – Хватает нам автобусов, троллейбусов, самолётов и кораблей. Автомобили – это какая-то дьявольщина. Скоро они весь земной шар загубят. Засорили газами всю атмосферу. Вида-

ли, какая за окном температура? Десять градусов, а ведь сегодня 19-е число, зимний Никола, покровитель Руси…

– Всё бы свалила на автомобили, – возразил ей папа. – Всё бы тебе автомобили, как будто заводы не коптят, шахты атмосферу не засоряют…

В Париже по вопросам экологии недавно собирались руководители, кажется, ста восьмидесяти государств по вопросам климата, экологии, глобального потепления. Как наша мама, тоже готовы всё на автомобили свалить. А как с лесами? В Бразилии леса по Амазонке почти вырубили, а ведь где-то там образуется Гольфстрим – самое мощное тёплое течение на Атлантике. Течёт на Север до самой Гренландии, как паровое отопление влияет на потепление всей Европы, в том числе и на нас…

– Папа, – говорю я, – это мы знаем, а вот ты про Чижевского позабыл. Книжка есть у нас его «Эхо солнечных бурь». Учёные говорят, как на Солнце появляются пятна, так на Земле становится жарко, изменяется климат, пропадают урожаи, у людей начинаются войны и революции… Вот и сейчас что?

– Войны и революции, – подтверждает папа. – В начале прошлого века в Индонезии взорвался вулкан Кракатау, так он пылью закрыл полнеба, до самой Африки…

– Ну, хватит вам, хватит! – сказала мама. – Показывать тут свою ерундицию.

И выключила телевизор, постелила мне на диване постель.

– Всё, Игорь Леонардович, – взбила она попышнее подушку. – Приятных тебе сновидений…

И я тут же провалился куда-то в сны, как в глубокую яму. Со всеми картинками из телевизора и разговорчиками, которые мы вели о земном климате и

глобальном потеплении и которые всех нас в последнее время заколебали.

Сны смешали во мне людей с машинами, а машины с людьми. Машины стали людьми, а люди – машинами. Как в Японии, где началась эра роботов. Японцы живут дольше всех, – до 88 лет, на них работают роботы…

Вот японский автомобиль «Судзуки», он стоит у меня под окном, он живой, я с ним разговариваю.

– Ты на трёх колёсах, – спрашиваю я его, – или на четырёх?

– Почему это на трёх? – обижается Судзуки. – Что я тебе, мотоцикл какой-нибудь или квадроцикл?

– Да потому что, – говорю я ему, – мой папа рассказывает, он в 1959 году был в Москве, в Сокольниках, на японской выставке они были на трёх колёсах.

– Когда это было? – аж кудахчет от смеха Судзуки, так его всего разбирает. – Теперь мы забили собой и американский рынок, и европейский. Даже к российскому на Дальнем Востоке подобрались. К вам сюда вот, в Серединную Русь, прикатили… Мы как люди, только японцы…

– А Новый год бывает у вас, у японских машин? – спрашиваю я Судзуки. – А Деды Морозы?

– У нас всё бывает, – отвечает Судзуки. – Если нет – сделаем. Роботы у нас, они всё могут. Заменили ими рабочий класс, и теперь у нас нет и не может быть революций…

– И поэзии нет? – не выдерживает папа. – Стихи только люди пишут.

– Стихи пишут люди, – говорит Судзуки. – А вот поэзию делают у нас роботы… Всё, скорее спрашивай. А то бензин кончается…

– А что? Без бензина не можешь? – удивляюсь я во сне, не приходя в сознательное состояние.

– Могу, на электричестве.

– Без бензина, папа, они никуда, – говорю я папе.

– А, понятно теперь, почему претендуют они на Сахалин. Там же, на севере, где город Оха, нефть имеется, а из нефти делается бензин.

– Ну так будем мы Новый год встречать? – обращаюсь я к тому же Судзуки.

– Будем, – отвечает Судзуки.

– Вместе или врозь? У нас свой Дед Мороз, у вас – свой.

– Вместе.

– Как это вместе? – говорит мой папа. – У нас же разные календари.

– Зато этот год, – замечаю я, – у нас один талисман: обезьянка. Мама нам уж бананчиков купила для обезьянки… Дать тебе, Судзуки, бананчик, будешь?

– Бананов роботы не едят, – заскрипел всеми своими механизмами Судзуки. – С бананами японцы не проживут столько – до 88, 8 лет…

Проснулся я, лежу и думаю: «Приснилось мне всё это или это всё наяву?» Выглянул в окно – автомобиль «Судзуки» стоит, дышит в форточку. Приоткрыл холодильник – бананы, мама вчера принесла из магазина к Новому году. Вернулся я в постель свою, закрыл глаза и успокоился.

«БУДЕТ ЛИ У НАС ВОДА БЕЗ ЖЕЛЕЗА?»

Вода у нас в Орле нехорошая, может, даже плохая. Папа говорит, всегда пиво тут на пивзаводе не получалось. Ездили мужики пиво пить в Ливны, туда его привозили из Ельца.

Елецкое пиво было замечательное. Почвы в Орле не те, камни на почве. Пили и такую воду, а что делать? Но вот пришло время, и стали воду очищать, продавать в будках на улице, в магазинах. Моё дело ходить с утра в масловский магазин, где обычно продают фрукты и овощи. Тут же и аппарат стоит, от Орловского хлебокомбината. Сюда, в масловский, я и хожу по утрам. Моё это дело – в руки по банке пятилитровой и айда за водой. Каждый день, это на дню сколько рублей? А если за месяц? А за год?..

Вот в Малоархангельске у нас воды хоть залейся. Во дворе – колонка. Из артезианской скважины. Через дорогу – колодец. Вода в нём хорошая, вкусная. Мы её пьём, варим всякое варево. И всё – таки хожу я на переулок Адлера, к роднику, или ещё подальше – к роднику «из-под трубочки». Особенно, когда солим огурцы, помидоры… Ну, в общем, в Орле у нас тут плохая вода, а мы ведь к хорошей приучены.

И вот услышали мы по местному телевидению, что в Орле будут производить «обезжелезивание» воды, то есть улучшать её качество. Все втроём мы, всей семьёй, обеспокоились: когда же это будет? Поскорее бы…

– Папа, – говорю я, – скажи, что хоть такое «обезжелезивание»? Что – железо в ведро кладут, а потом вынимают?

– Ну, ты даёшь! – смеётся отец.- Надо же придумать такое. По-моему, это вот что. Воду должны брать из речки Рыбницы, что начинается в Свердловском районе и впадает в Оку, хорошая вода. Так вот, Рыбницу эту должны где то там перепрудить, сделать запруду и чистить воду каким-то способом. «Обезжелезивание», называется.

– Папа, – говорю я, – мы были в Москве у дяди Вити, так там воду не чистят.

– Чистят, – смеётся отец. – Только не хлоркой, как у нас, примитивным способом, а кислородом насыщают, убирают тяжёлые металлы, потом охлаждают. Вода получается, что надо, аж язык пощипывает…

– Когда же у нас-то будет пощипывать? – пристаю я к отцу чуть ли не каждый день теперь. – Когда воду у нас «обезжелезят»?

– Слышал, что по местному телевидению сообщают? – хмурится папа. – Опять у них там какие-то финансовые беспорядки…

– Опять в карман себе, что ль, суют? – замечаю я. – Суют и суют. А я с сумками в магазин ходи и ходи. Народу уже не протолкнёшься, по двадцать бутылей берут. Даже на машинах приезжают… Вишь, пришёл поздно, аппарат опять поломался. Сколько можно? Аж посинел аппарат от натуги…

– Ходи пораньше, в числе первых. Пока машины не понаехали.

– Так теперь и буду делать, – говорю я, вынимая из сумок обе бутыли, и ставлю каждую на своё место. Одну на стол – у раковины, другую под стол – тоже у раковины. А в раковине ни звука, из крана ни капли. Кран мы включаем, как говорится, в редкую стёжку. Только когда фрукты или овощи моем, посуду, ложки, вилки, тарелки. Коту Васе, когда был жив, мы тоже давали воду из магазина, он же у нас человек.

– Папа, а что бывает, – ставлю я, как обычно, одну бутыль с магазинной водой на стол, а другую – под стол, – что бывает, когда воду пьют из – под крана?

– У сестры моей, у тёти Лиды спроси, – говорит отец. – Она тебе скажет. Камни на почках. Вот что. Сколько лет она ездила в Трускавец, пила эту воду – «нафтусю».

– И что?

– Жива до сих пор.

– А сейчас ездит?

– Вряд ли.

– И почему?

– Да потому что в Томске, видно, вода хорошая.

– Чистят, что ль, как у нас в масловском магазине?

– Воруют поменьше, – засмеялся мой папа. – Давно уж, видно, «обезжелезили».

Вот такие дела у нас с этой водой. То, бывало, от книжек меня за уши не оттянешь, на местное телевидение, как говорится, я ноль внимания. Одни пожары там, автодорожные происшествия, реклама: какие-то шубы пятигорские во Дворце железнодорожников продаются по значительно сниженной цене. А зачем они нам, шубы-то? На улице уже третий год как тепло.

А теперь, я всё жду, когда скажут на телевидении про воду, про её «обезжелезивание». А они всё молчат. Кадры по воде, по её «обезжелезиванию» всё меняют и меняют. А я всё жду и жду. Весны ожидаю, апреля – месяца, когда, наконец, мы поедем на дачу – на свою малую родину, в Малоархангельск. Там воды всякой много, в том числе и хорошей, и очень хорошей. Например, родниковой с переулка Адлера. Чуть подальше – «из-под трубочки», из которой льётся вода днём и ночью ручьём толщиной в детскую руку. Льётся просто так, не за здорово живёшь.

А тут, в Орле у нас, кладу я в железный аппарат железные монеты. И жду этой самой воды за деньги «обезжелезенной».

– Куй железо, пока горячо, – говорю я отцу.

– Это ты про какое железо?

– А про такое, – смеюсь я, ставя банки около раковины. – Куй «железо», пока есть под Орлом вода пресная. Вон сколько её у нас в России. Целый Байкал.

НА ИНДЕЙСКОЙ ПИРОГЕ

Ходим мы с папой домой с центральной площади через горсад, в последние годы его стали называть Парком культуры. В конце Парка культуры аттракцион – «На индейской пироге». Интересный аттракцион! Остановился и смотри, как дети катаются по реке, по воде быстротекущей, между гор вперёдсмотрящих у вигвама золотого под серебряным туманом…

И мальчик маленький сидит в лодке – пироге индейской, а отец его стоит перед ним, улыбается и читает стихи. Прислушались мы – из «Песни о Гайавате» Лонгфелло в переводе Бунина.

«Так он пел о Гайавате,
Пел мне Песнь о Гайавате, –
О его рожденье дивном,
О его великой жизни:
Как постился и молился,
Как трудился Гайавата,
Чтоб народ его был счастлив,
Чтоб он шёл к добру и правде.»

Плывёт мальчик по индейской реке в пироге индейской, в лодке – под голос отца своего, под дыхание ветра, по Парку культуры.

– Как хорошо! – говорит с восхищением мой папа. – Как нам с тобой тут хорошо! Видеть всё это, слышать всё это. И золотоголового мальчика, и тихий голос его отца, и этому индейскому эпосу внимать с его добром и красотой, незримо разлитыми в мире. Только то и увенчано, то священно, что делает народы благородней и свободней.

– Папа, – слушаю я его, отца своего и учителя, – как хороша эта «Песнь о Гайавате». Спасибо тебе…

– Это переведено Буниным, – говорит мой отец. – Я всегда гордился, что Иван Алексеевич Бунин жил в нашем городе, что именно тут, в Орле, он перевёл эту «Песнь» Лонгфелло, заставил её звучать по-русски так же, как и по-индейски, по-английски… Я всегда гордился тем, что работал в газете, где когда-то и Бунин, когда переводил этот чудесный эпос с его тихими радостями детства, красотой девственных лесов и прерий, чистотой первой любви…

– Папа, а я всегда гордился тобой, – говорю я, прижимаясь к отцу.

И читал отец мне и дальше, когда мы отсюда ушли.

«Будьте братьями друг другу
И придёт Пророк на землю
И укажет путь к спасенью;
Он наставником вам будет…
Погрузитесь в эту реку,
Смойте краски боевые,
Закопайте в землю луки,
Трубки сделайте из камня.
Тростников для них нарвите,
Ярко перьями украсьте,
Закурите Трубку Мира
И живите впредь, как братья!»
Так сказал Владыка Жизни.

Мы проходили мимо Свято-Успенского монастыря. И тут ударили колокола, мелко рассыпались по Монастырке. «Какой это праздник сегодня?» – подумалось мне.

– Поэзии, русского слова? – сказал я уже вслух.

– Пресвятой Богородицы, – ответил отец. – Поэзия в нас разлита, русское слово. От веры они неотделимы…

«Стихов в каждом рассказе у меня многовато, – подумалось мне. – Так что? Если можно сюда стихи о Гайавате Лонгфелло, стихи Бунина о Лонгфелло, то можно и стихи моего отца о них, он тоже поэт»…

– Папа, – поймал я руку отца и крепко сжал его ладонь в своей неширокой ладони. – Кто ты – прозаик или поэт?

Отец замер на месте. Стоял, прислушиваясь к колокольным звонам у нас за стеной.

– Прозаик или поэт? – стоял он неподвижно. – Драматург или переводчик? Романист, музыкант, учитель…

– Кто ты? – сказал мне отец вслух.

– Кто я? – молчал я от неожиданности вопроса.

– Читатель! – сказал мой отец. – Хороший, знающий, добрый читатель. Без такого читателя не бывает писателя. А без писателя не бывает и книг.

«Закопайте в землю луки,
Закурите Трубку Мира
И живите впредь, как братья!»
Так сказал Владыка Жизни.

НА ПОКРОВ

В тот год к нам приезжали друзья – французы из Швейцарии: семья – родители и трое сыновей, старшему – двадцать, младшему – десять. Они путешествовали по России, побывали в Петербурге, заехали к нам, затем отправились в Москву и оттуда домой, в Монтрё. Мама их сопровождала, так как они не знают русского языка.

В Орле мы показали им наш город, его достопримечательности, сходили в школу, где я учился, общались с нашими ребятами, рассказывали о себе, фото-

графировались. На другой день они захотели поехать в Малоархангельск, посмотреть на нашу дачу, наш осенний сад, место, где мы проводим лето.

Ранним утром после лёгкого завтрака мы отправились на автовокзал. Это был Покров (православный праздник), 14 октября. Народу на ранний рейс было немного, мы заняли почти пол-автобуса (нас восемь человек). Французских мальчишек очень забавляло, что они едут на таком маленьком автобусе («пазике»), они никогда таких не видели. Но путешествие наше было вполне комфортным, через пару часов мы уже были в нашем домике. День был не холодный (13-15 градусов выше нуля), но моросил мелкий дождь, временами он прекращался, затем принимался вновь; так как все были в куртках, обошлись без зонтиков.

Войдя в дом, где было прохладно, почти как на улице, мы вскипятили чайник, а заварка, варенье, мёд нашлись на даче, бутерброды и другую еду мы привезли с собой. Теперь это был плотный завтрак, поели, повеселели, пошли в сад. Деревья были пустыми, без листьев, но ещё всюду на огороде виднелась зелень, много петрушки, где-то забытая на грядках морковь, просто зеленела под ногами трава – было не скучно.

На одной из грядок стояли мощные зелёные листья от посаженной весной цветной капусты, которая так и не завязалась. Мама подошла к ним, чтобы сфотографироваться на фоне зелени и увидела в листве несколько крупных, белых, великолепных, похожих на белую гортензию, кочанов капусты. Мы уехали с дачи в начале сентября, а они тут выросли и, как божья благодать, явились нам на Покров подарком небес. Мама очень обрадовалась, сказав, что это похоже на чудо, вечером в Орле у нас будет великолепный праздничный ужин.

В хорошем настроении мы отправились смотреть наш симпатичный городок, в это время уже немного потерявший свои краски, но вымытый дождём асфальт, нарядные крыши, ухоженные дома, приветливые соседи, с которыми мы здоровались, проходя по улице, вся атмосфера была спокойной и приятной.

Затем мы повели ребят в школу, отремонтированную этим летом, уроки уже кончились, но директор провёл нас по школе: очень современная, с компьютерными классами, с большим, прекрасно оборудованным гимнастическим залом, который очаровал французских мальчишек. Они все занимаются спортом: один теннисом, другой играет в футбол, а третий вообще выбрал спорт как своё будущее. У него спортивный класс баскетболистов, они уже команда и часто побеждают в соревнованиях.

Мы успели сходить в библиотеку, напротив которой стоит бюст нашего гения А.С. Пушкина, они знают этого поэта, особенно после Петербурга, там они видели Медного всадника, памятник Пушкину на площади перед Русским музеем, куда они ходили. Тибо (средний брат) пытается запоминать русские слова, повторяет «у лукоморья дуб зелёный», конечно, с французскими звуками («и» вместо «ы» и др).

Последним визитом было посещение администрации городка, где работают наши друзья. Нас там встретили очень радушно. Мы пили чай из очень красивых керамических чашек, взрослые распили бутылку шампанского, мэр города Александр Сергеевич (имя, как у Пушкина, и учился он в Царском селе) рассказывал о своём городке, задавал вопросы французам, мама переводила, всем было интересно общаться. Французы от приёма были в восторге, Александр Сергеевич дал свою машину, чтобы отвезти нас в Орёл.

Через два дня в Москве на Арбате французы купили книгу сказок Пушкина на французском языке. В благодарность за теплоту и радушие Натали (мама мальчишек) прислала к Новому году в администрацию городка красочный календарь на следующий год и коробку вкусного швейцарского шоколада.

КОТ ВАСЯ – ЗАЩИТНИК НАШЕЙ УСАДЬБЫ

Кота Васи нет уже почти год. Он попал к нам из рук моей бабушки, в руки отца, папы моего. Вася у нас прожил почти десять лет, а кажется, вечность. Всегда был с нами, как член семьи, как человек, который соединял нас с миром животных, миром природы. Вот кем был для нас наш Вася, проживший всего четырнадцать лет и лежащий сейчас в памятном месте, в молодом верхнем саду, на нашей усадьбе в Малоархангельске.

А ведь мог бы пожить и ещё. Иногда ему что-то было не по себе, я звонил ветврачу.

– Павел Иваныч, Вася наш приболел.

– Приноси. Осмотрим, как следует.

Осматривал, назначал лекарства, и всё сходило Васеньке с рук.

Вася вставал на ноги и продолжал жить. Но однажды Павла Иваныча не оказалось, и телефонную трубку взял какой-то другой ветврач по фамилии… называть не буду фамилии…Он сказал:

– Приноси своего кота.

У Васи была своя сумка с окошком, похожая на домик. Вася залезал в него, когда было надо. Особо охотно, когда мы отправлялись в Малоархангельск.

Этот врач Бесфамильный назначил ему лечение. Назвал приличную сумму, которую следовало заплатить. Для Васи нам ничего не было жалко.

– У кота диабет, – сказал он. – Сделаем ему… как бы переливание крови… капельницу…

И напихал ему в стеклянную банку уйму всяких таблеток, лекарств, в том числе и глюкозу. Я удивился: Павел Иваныч никогда так не делал. Тем более, говорит, что у Васи сахарный диабет, а вливает глюкозу, а это ведь сахар. Принёс я Васю домой к себе в его домике, а Вася скучный какой-то, сам не свой. «Что я наделал? – тут же подумалось мне. – Зачем не подождали Павла Иваныча?»

– Может, в Малоархангельск поедем? – сказал я папе. – На свежем воздухе Васе нашему будет легче?

Мы тут же собрались и поехали с Васей на его малую родину.

Наш Вася уже ничего не ел, только пил воду и уже никуда не ходил. Всё вздыхал и вздыхал. Мы с папой так расстроились, едва не плакали. И вот Вася пришёл к папе и лёг, как всегда, папе на грудь. Потом свалился с груди на постель. Потом свалился с постели на пол. Папа прилёг рядом с ним на пол. Вася с трудом взобрался опять папе на грудь. Папа обнял его… в последний раз Вася вскрикнул, обращаясь к нам, и замер…

– Умер, – заплакали мы с папой. – Вася наш умер…

Васю хоронили мы как человека, на третий день. Надели на него белый саван. Выкопали могилку в правом верхнем углу усадьбы, за майскими цветущими вишнями. Перекрестили его, сказали:

– Земля тебе пухом, Васенька.

Долго стояли перед могилкой и вспоминали. А вспоминать было о чём. Вот что папа рассказывал. «Ещё бы. Вася ведь человек. И как он сядет, бывало,

на стул между нами, сидит и смотрит телевизор и слушает музыку. Займёт, бывало, на комоде место такое: все три комнаты просматриваются: и зальчик, и передняя комната, и мой кабинет. А осенью, где-нибудь в октябре, когда мы начинаем топить печку, раздвинет Вася лапами щель в двери и с разбегу из двери прямо на шею ко мне. Сидит и мурлычет, и греет, и сам греется. А я пишу, напрягаюсь. Хоть ту же историческую драму в стихах про Зевса. Так я Васю вставил в историческую драму, Зевсу посадил на колени… не для смеха, а так, для истории»…

– Папа, – говорю я, – это Вася тебе помогал. Он всегда помогал нам.

– Огородник Вася, – вспоминаю я. – Копаем огород, а Вася, как всегда, рядом, на спине по грядке катается.

Но что самое замечательное, что всегда было в Васе, так это его храбрость, – заявил я. – Да, папа, смелый был Вася, ничего не боялся.

– Можно сказать, патриот, – поддержал меня папа.

– А что разве у котов патриотизм бывает? – выразил я сомнение.

– У других котов, может, и не бывает, – сказал мой папа решительно. – А у нашего Васи он был. Помнишь, как он сражался с теми, кто перелезал к нам сюда на усадьбу и сцеплялся с ним в драке. Однажды с чужим огромным чёрным котом сразился, раза в два кот был крупнее его, а Вася его буквально в землю вогнал…

– Зубы в сражениях потерял, да, папа? И добрый был наш Вася, да, папа?

– Конечно, – кивнул головой утвердительно папа. – Молоко ёжику оставлял. Был друг у него такой – ёжик Лёня.

– Оказалось, ежиха это, – улыбнулся я. – Помнишь, привела ежиха к банке с молоком своих детей – трёх ежат? А мы-то думали, что она ёжик Лёня…

– Ты, папа, когда-то стихи про Васю написал. Не забыл? Прочитай.

– Написал… Сбегай за книжкой, кажется, в сборнике поэзии «Духов день».

– Да, в этой книге, – говорю.

И сидим, читаем с папой стихи про кота Васю.

Европеец! Любимец наш кот.
Посмотрите, как важно идёт.
Как хвостом сам с собою играет.
На плече посидит, в телевизор глядит,
На столе у меня засыпает.

Настоящий хозяин в квартире, самый он независимый в мире.

И вот уже скоро с год, как Васи не стало. С нетерпением мы с папой ждём, когда мы весной отправимся на свою малую родину в Малоархангельск. Лежит наш Вася в правом верхнем углу усадьбы под вишнями. В мае они над ним расцветают.

«ПЕСНЬ О СОБАКЕ» ЕСЕНИНА

Пришли мы с папой к месту, где Ока-река начинается. Это близко тут, за станцией Малоархангельск. Постояли, сняв шапку, подержали стаканчик, в который течёт из трубочки неширокая струйка. А папа и говорит:

– Прямо музыка какая-то в душе возникает.

– Какая? – спрашиваю я его. – Про кого музыка?

– Про Сергея Есенина, – отвечает папа. – Есенин всегда с интересом смотрел на верхнюю Оку со своей Оки широкой у себя в Константиново. Он, скорее всего, тут бывал.

– Ты так думаешь?

– Да, конечно, – говорит мне папа. – Его жена Зинаида Райх жила в Орле, а Орёл – на Оке… Конечно, Есенин был и тут, где Очки. Я так чувствую, музыка звучит во мне на его «Песнь о собаке»»… Я пел эту песнь четыре раза в жизни…

– Папа, папочка, – прошу я его. – Умоляю тебя, спой ещё хоть разок. Ну, спой, спой! Слова, что ль, позабыл?

– Нет, слова Есенина помню твёрдо, – говорит мне отец. – Слова всегда звучат у меня где-то внутри, когда мне трудно, так трудно, что нечем дышать.

– Спой, папочка, – сказал я ему тихо-тихо. – Спой, ну, пожалуйста.

– Слушай, сынок, – ответил мне папа также тихо, вплетая голос в шум струйки в стакан. – «Песнь о собаке».

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ощенила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причёсывая языком.
И струился снежок подталый
Под тёплым её животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклал в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать.

И так долго-долго дрожала
Воды незамёрзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из её щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля.
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звёздами в снег…
Золотыми звёздами в снег…

– Именно эти две строчки, – сказал папа сквозь слёзы, – поразили меня, заставили взяться за перо. В четвёртом классе я стал писать стихи. Есенин позвал меня в поэзию, Сергей Есенин… Чувствуешь, как имя его звучит – поэтично, красиво? Сама поэзия в его имени.

– Чувствую, – говорю и я ему в тон, не дыша. – А всё стихи о собаке? А полностью если? Когда-нибудь споёшь мне эту «Песнь о собаке»? Ведь это же песнь! Пе-е-еснь, а не просто стихи…

– Когда-нибудь, – глубоко вздохнул мой папа, думая, видно, о прожитом и пережитом. – Под настроение. Когда-нибудь, может быть, и спою. Пока ещё жив.

Я даже замер от таких его слов. Как это «пока жив»? Папа же вечный, как и мама, как мать – собака Есенина, как сам Есенин, как эта Ока, как солнце, трава и слова…

– Четыре раза ты, папа, пел эту «Песнь о собаке» Есенина, расскажи мне о каждом, – просил я отца. – Все четыре с первого по четвёртый…

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звёздами в снег.
Золотыми звёздами в снег.

– Запомнил, да? – усмехнулся отец. – На всю жизнь?

– На всю! – вспыхнул я перед ним.

– Ну вот, – сказал папа. – Ещё одного человека забрал к себе в «рекруты» Сергей Есенин.

По селу тропинкой кривенькой
В летний вечер голубой
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой толпой.

– Так что было в первый-то, в первый раз было что? – как банный лист, приставал я к отцу.

– Приезжал в Орёл из Рязани поэт Анатолий Сенин, – начал отец раздумчиво. – Как звучит! А. Сенин, почти что Есенин… Потом я поехал туда в обмен, по Бюро пропаганды художественной литературы… Послали меня в Милославский район. Втроём. Я, поэтесса одна Люба Ваганова и студент литинститута. Выступали мы хорошо… Попали в какой то совхоз на Дону. Под конец собрали застолье с видом на Дон… И что-то меня как прорвало: Шолохов, «Тихий Дон», четыре тома, какие я читал ещё в детстве…

Встал я и перед всеми, в том числе и как бы перед Шолоховым, зашептал, запел слова Есенина:

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд.

А потом меня закидали деньгами, я разделил их на всех троих. И прислали из Рязани народную ар-

тистку России – когда-то была ученицей Лидии Руслановой… Зачем прислали – не знаю… Это было тогда у меня в первый раз…

Прошло какое-то время. Подошёл я к отцу, опять подкатился:

– Расскажи, как и что во второй раз было.

– А во второй раз, – покачал головой отец.- Это было вскорости…Приехал я из района в Рязань и говорю:

– Что это такое? В Константиново, в Спас-Клепиках есенинских так и не побывал. А ведь всю жизнь мечтаю об этом.

И сам поехал в есенинское Константиново. Приехал, а тут как раз ураган случился. Аж в Иваново женщину по воздуху перебросило… Сидим мы с директором есенинского музея Владимиром Исаевичем Астаховым обессиленные после таких-то страстей. Крышу с дома Кашиной снесло, деревья переломало…

– Чего приехал? – спрашивает меня Владимир Исаич.

– А вот, – сказал я ему и во второй раз, помню, запел эту «Песнь о собаке» Есенина. Расчувствовались. Владимир Исаич подарил мне кипу фотографий, исторические снимки с есенинских мест. Подписал на одной: «Лёне Золотарёву – замечательному наследнику лучших есенинских традиций».

– А через какое – то время меня послали в столичный район – в Спас-Клепики. Принимали в Мещёре, где обычно встречали лишь космонавтов. Читал в лесном ресторане стихи и пел в третий раз эту «Песнь о собаке» Есенина…

И всё. Замолчал на годы. Но вот попал я домой к большому учёному – филологу Галине Борисовне Курляндской на День рождения. Поздравляли её, говорили всяческие слова. Меня спросили: «А что скажете вы?»

Я встал и в четвёртый раз спел эту «Песнь о собаке»…

– И что, папа? – говорю я, заглядывая в глаза ему, поникшему, без каких-либо слов.

– Да так,- отмахнулся отец. – «Больше не пой её! – сказала Галина Борисовна. – Никогда и нигде».

– Да? – задумался я. – А почему?

– Я же на этом не успокоился, – положил папа руку мне на плечо. – Встретился с другом своим, тоже доктором наук, специалистом по Достоевскому, Осмоловским Олегом Николаевичем. Спел ему эту «Песнь о собаке» Сергея Есенина. Осмоловский взглянул на меня, улыбаясь, сказал:

– Пой всегда и везде. Пой! Всегда и везде!

Вот и вся история про собаку. Кончена эта история.

– Нет! – решительно сказал я отцу. – История про «Песнь о собаке» Есенина не закончена. Она не закончится никогда, пока живы мы, люди, пока жива в нас душа.

«ГДЕ ДЕТИ? СИДЯТ В ИНТЕРНЕТЕ»

Смотрю в другое окно, какое выходит на двор. А он у нас большой, красивый, квадратный, весь в старых яблонях и новых всяческих спортивных и игровых сооружениях для детей. А их во дворе, «цветов жизни», всегда великое множество. С мамами и бабушками. Только мамы и бабушки сами по себе, а дети сами по себе. Мамы с бабушками коротают времечко, сидя на скамейках под яблонями, а дети – кто в песочке играет, кто на шведской лесенке, а кто висит на турнике.

Своих детей обычно у нас полный двор, а ещё и из других дворов являются. Из большого кирпичного дома напротив, через дорогу, у которого почти нет

двора. Такой маленький, узенький да ещё и заставленный автомобилями.

А сегодня во дворе у нас почти никого. Что такое? Ай пошли дети вместе с мамами по магазинам – тратить свой материнский капитал?

– Да ты посмотри, посмотри на него, на Мишу-то, внука моего, – говорит тётя Рая – мамина двоюродная сестрица, пришла к нам сегодня в гости. – Глянь, где Миша сидит: за компьютором, оседлал Интернет, молодец!

– Поломает Миша Игорев компьютер, на чём Игорь будет работать? – забеспокоилась мама.

– Не поломает, – улыбается тётя Рая. – Он на чужих компьютерах уже научился. Сам входит, выходит в Интернет…

– Чего это и Миша твой, и дети, что во дворе, как прилипли к компьютеру? – посматривает наша мама на кухне больше не туда, где чайник поставлен на газовую плиту, а на комнату, где Миша сидит за моим компьютером.

– Детская передача сегодня, – объясняет нашей маме тётя Рая. – Мультфильмы про Простоквашино. Про кота Матроскина.

– Игорь! – кричит мама мне в папину комнату, где я сижу и перелистываю «Тихий Дон» Шолохова. Готовлюсь к «Игре в бисер» в 21-15. – Погляди за Мишей. Нельзя Мишу оставлять без присмотра, – объясняет мама двоюродной своей. – А то он там чего-нибудь нам наворочает.

– Не наворочаю! – кричит Миша сразу на все три комнаты. – Не наворочаю, бабушка Люся…

Сидим и пьём чай на кухне. Из новых красивых чашек, которые подарила тётя Рая каждому из нас троих к Дню рождения. Папа пьёт кофе со своим несладким печеньем, я – с любимыми то яблочным, то сливовым вареньем, а мама с тётей Раей – с маминым

мёдом, который вручила ей летом в Малоархангельске Валентина Ивановна Колабенкова, подруга нашей семьи.

Сидят и беседуют сёстры, прихлёбывают из чашек.

– Так что детей как ветром сдуло со двора, – говорит мама, – оттого что мультики показывают про Простоквашино?

– Да нет, не совсем так… Вообще, где сейчас дети? А в Интернете. Это лучше, чем на улице, хулиганить, бог знает что вытворять.

– Глаза портить, – говорит наша мама. – Вон Игорь уже в очках, а Миша твой пока нет.

– Может, и не будет в очках-то. Не обязательно. По всяческим «Оптикам» шастать. Зато ума набирается в Интернете. Столько знаний иной раз выносит оттуда. Никакая школа тому не научит… С детства этому делу надо учиться…Ты ещё ничего, что-то соображаешь в компьютере-то, – говорит тётя Рая нашей маме. – А я ни бум – бум… а учиться мне уже поздно…

– А кто же у вас ещё, кроме Миши, соображает?

– Да Надя, мама Мишина… Надя сейчас в Москве…

«Дай, думаю, и я тут им, сёстрам этим, вверну что-нибудь, прежде чем смотаться туда, в свою комнату, к Мише. А то и в самом деле наворочает такое, что придётся вызывать кого-нибудь из компьютерной «скорой помощи»».

– Тётя Рая, зато вы в торговле соображаете, – доскребаю я ложечкой стеклянную банку со своим сливовым вареньем. – Институт торговли закончили, ездили с дядей Сашей, мужем своим, по всем городам. Например, в Воронеже были, Ярославле, Минске.

– А где дети? Глядишь, опять сидят в Интернете, – не обращает на меня внимания тётя Рая. Ей не нравится, что я напомнил ей про города. Ну, и что ж, что не нравится, а я с удовольствием поездил бы по городам...

Смотрю я из окна в свой двор – большой, уютный, красивый. Опять в нём народ собирается. Мамы и бабушки на скамейках под яблонями, а дети отдельно – в песочке играют, на шведской лестнице или на турнике. Не забывают, оказывается, что физическое здоровье не менее важно, чем духовное. Так и живём с широким видом во двор со своего четвёртого этажа.

Прощаясь, мама дарит тёте Рае пакет с чесноком.

– Всё равно особо никуда не ходить, Новый год ведь семейный праздник. В узком кругу.

– Надя приедет из Москвы, – говорит тётя Рая. – А может быть, и Валера, старший внук с невестой.

Как только гости ушли, я сразу же к компьютеру своему. Слава богу, ничего Мишка не наворочал … Так где дети? Сидят в Интернете. А после во дворе играют в песочке или висят на турнике. С компьютером ты человек, без компьютера в современном мире нельзя.

СМОТРЮ В ОКНО НА МАШИНЫ

Смотрю я в окно на машины. Они через дорогу на нашей улице 8 Марта. Жмутся к большому кирпичному дому. Его построили не так давно, до сих пор ещё заселяют, а машин возле него уже тьма-тьмущая. Утром они куда-то деваются, а к вечеру и едут, и едут. То ли их само название улицы привлекает, то ли дом кирпичный, то ли ещё что-то. «Хоть бы иномарки эти куда-нибудь делись, – думаю я. – Говорят, что Москве уже нечем дышать. Льды в Антарктике тают, всю Европу скоро затопит. В ООН остро стоит вопрос об экологии…»

Смотрю я в окно, через дорогу, и вижу иномарок всё больше и больше. Поставлены на охрану: мигают, вопят. «Загнать бы всех на дно Оки, с глаз долой»…

Думаю я так, глядя в окно, и вдруг перед нашим подъездом останавливается огромная японская машина, и из неё вываливаются наши московские родственники. Трое детей с их родителями. Вот это да! В квартире сразу становится шумно, весело. Мои родители спрашивают у родственников, как они доехали. Те отвечают с гордостью, что машина у них – зверь, вмещает восемь человек, так что завтра вместе с ними мы едем к нам на дачу: у машины и вместимость, и проходимость, и комфортность, всё великолепно. Что бы мы делали без такой иномарки, ведь мы всё лето с детьми за городом, в нашем деревенском доме. Это в тридцати километрах от Москвы. Мы и зимой все выходные там проводим. Там всё оборудовано: есть бассейн, пруд, где летом мы ловим рыбу, есть лужайка для тенниса, небольшой стадион, а зимой у нас лыжи и санки. Так что без машины мы никуда.

– А московские пробки? – спрашиваю я.

– Пробки – проблема, – отвечает глава семейства Андрей. – Но приспосабливаемся, а то и стоим. Сегодня мы выехали в шесть утра, никаких пробок. Будем уезжать тоже ранним утром. Дорога будет спокойней.

Лада, жена Андрея, включается в разговор.

– Летом мы в нашей деревне организуем детский лагерь. Возьмём ещё десяток ребятишек, в такой компании и проведём летние каникулы.

– Это здорово!- говорю я.- Я к вам тоже хочу.

– Добро пожаловать, будем рады! – кричат родители и дети хором.

Так мы и решили, что я поеду к ним на недельку, а они потом привезут меня сюда, на нашу дачу, и погостят у нас все впятером. Оказывается, очень здорово, что у них есть восьмиместная иномарка.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК

Какой в году самый большой и самый важный семейный праздник? Новый год или мой День рождения? Многие скажут: Новый год, конечно! Но это так у людей. И у нас тоже, но самый, самый главный у нас – мой День рождения! Тоже в январе, но спустя три недели – 23 января. В этот день к нам приходит больше всего народу – в основном родственники и друзья. Вот они на фото, помещённом в фотоокне. Справа налево: это я, затем Вадим – мой двоюродный брат, его мать – тётя Валя, затем тётя Рая, а между ними этот дьяволёнок Миша – тёти Раи внучонок, и уже крайние слева мои папа с мамой: Людмила Серафимовна с Леонардом Михайловичем.

А Павла Абрамова, друга моего, нет на фото. Он как раз тогда фотографировал. Мы с Пашей ходим на День рождения один к другому каждый год. У него он немного раньше – осенью, в октябре, а у меня сейчас. Папа с утра ставит в большой комнате большой стол, собирает его по частям, а мама кладёт постепенно на стол лучшее, что есть у неё в холодильнике, и все мы потом пируем: под тосты за именинника, за родителей, за всякими семейными разговорами о житье – бытье, о даче, урожаях, здоровье.

Но вернёмся к Новому году. Он в стране начинается рано. В Орле у нас с ёлки в горсаду – Парке культуры. У каштанов, возле фонтана, который работает по субботам и воскресеньям целое лето, до глубокой осени, почти до зимы. А в этом году не поймёшь, когда зима? Снежок чуть выпал – растаял, и всё равно плюсовая температура держится, доходит до 10 градусов по Цельсию. За окном у нас градусник точно показывает. Слякоть прямо – таки надоела. Туфли мыть себе и папе, мама себе моет сама. А дни настолько короткие, что не успеваешь позавтракать, что-то сделать, как уже темно, хоть включай электричество.

По Центральному телевидению показывают Москву новогоднюю: такая красавица, так иллюминирована, такие ёлочные базары, а мы дома ёлку ставим перед самым Новым годом – 30-го или даже с утра 31-го декабря. Такая традиция. Ёлка у нас искусственная – серебристая, подаренная маминой сестрой из тульской Узловой, но красивая ёлочка. И шары к ней просто замечательные, подарены одним художником-прикладником, который делал ёлочные игрушки и специально сделал шесть великолепных шаров для моего папы, папа работал тогда в каком-то агентстве по авторским правам.

Когда же я маленьким был, ещё в школе учился, так папа ставил мне дома ёлку самую лучшую в городе. Работал он в «Орловском комсомольце», был председателем Месткома в профсоюзе. Как Дед Мороз дарил детям коллег подарки и ездил за ёлками в брянский заснеженный лес. Себе в лесу для меня выбирал, конечно, самую лучшую…

– Да, папа? – говорю я отцу каждый раз, когда мы ставим серебристую ёлочку у себя дома 30-го или даже 31-го декабря. И это традиция.

Традиция и то, что каждый раз папа рассказывает, как он в брянском лесу лазил за ёлочкой по пояс в снегу, выбирая самую лучшую.

– Представляешь? Самую лучшую! – говорит с восхищением папа.

– И не жалко тебе? – навешиваю я на ёлочку шар малиновый,- ручной, художественной работы.

Тут как-то никнет мой папа:

– А если б не жалко было, до сих пор бы ездил в Карачевский район, в Желтоводье, к Мише Нехаеву.

– Запомнил, – говорю я папе. – За столько лет имя лесника не забыл.

– А то! – смеётся папа. – Такая поездочка была! Такие люди в Голливуде! Снега были не то, что сейчас, – выше пояса, по плечи… утонешь в сугробе…

– Зато сейчас, – вздыхаю я, – одна чернота. За окном гляди, ни единой снежинки.

– «Дежа вю» – уже было так, – говорит папа. – В 1976 году, когда я ездил в Алтай, к сестре своей Лиде. Не знал, во что и одеться. Вот так же тепло было, такая была температура. Напялил всё же зимнее пальто на себя. А переехали поездом за Урал, так всё белым-бело, ослеп от солнца.

– Мороз и солнце, день чудесный, – тут же вспомнились мне стихи Пушкина.

– С автобуса к сестре домой, бррр, бегом бежал, – передёргивает плечами папа. – Мороз был градусов 35. Это после-то 10 тепла…

– И сейчас, – говорю я папе, – повторяется. Хоть бы к Новому году слегка подморозило.

– Синоптики обещают.

– Обещанного три года ждут.

Новый год проходил по традиции. Серебристая ёлка, шары. Венский симфонический оркестр. Затем Рождество. Старый Новый год. Крещенье. Наконец-то и мой День рожденья. Не сказать, что так уж очень я трепещу перед ним, а всё-таки. Жду его с нетерпеньем. Когда папа начнёт с утра ставить стол в большой комнате, мама готовить еду для угощения, а я таскаю на стол посуду, ложки, вилки, расставляю – раскладываю всё по местам. А папа мне пишет стихи…

– Опять тебя на стихи потянуло, – ворчит мама на кухне. – Прозу пиши, прозу…Расскажи что-нибудь прозой…

– На то у нас Игорь, – подаёт голос папа из своей комнаты. – Он у нас специалист по детским рассказам.

– Не по детским рассказам, – поправляет его мама. – А по рассказам для детей.

– Рассказы про чудеса, – продолжает папа.

– Не про чудеса, – поправляет его мама. – А просто рассказы.

– Ну ты у нас всё знаешь, – обижается папа. – Больше нас с Игорем. Ты у нас главный специалист по литературе, – и закрывает за собой дверь.

– Да, мамочка, – заступаюсь я за своего папу, – мы же с папой не лезем к тебе на кухню.

– Ещё бы! – показывает мама половник. – Половник – оружие пролетариата.

– Это папа у нас пролетариат, – говорю я, – он у нас ничего не имеет. Все деньги тебе отдаёт. А у самого, как он образно выражается, ветер в кармане гуляет.

– Так уж и гуляет? – смеётся мама. – Нате вам, ребята, по тыще рублей. На проезд по городу и на воду.

– У меня есть, – идёт папа помогать маме на кухне. – Отдай мою тыщу Игорю. Он у нас катается на троллейбусах и за водой ходит…

Так и длится дома у нас вся эта канитель до самого вечера, пока, наконец, не начинает сходиться народ. И первым, появляется дружок мой Паша Абрамов, и, конечно, последним уйдёт. Когда я к нему прихожу на его День рождения, то последним к нему прихожу и ухожу от него первым. Почему?

Но мне, откровенно говоря, это нравится. Что Павел ко мне первым приходит. Значит, внимание ко мне где-то внутри у него сидит, значит, друг Паша мне настоящий. Сто лет как мы с ним знакомы, ещё со школьной скамейки. Он единственный, кто ездил ко мне на дачу в посёлок Синяевский, а я к нему в Киев, когда он ещё только учился в училище бронетанковых войск. А за Пашей вот – вот потянутся и другие. Сестра его Наталья придёт из своей детской больницы, соседи Гордеевы, может, кто-то приедет из Малоархангельска…

И мой День рождения – самый большой, самый интересный, самый важный праздник в нашей семье начнётся.

Мороз и солнце, день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный.
Открой сомкнуты негой взоры,
Навстречу северной авроры
Звездою севера явись.

А.С. Пушкин

Малоархангельск.
В День рождения Пушкина

Москва.
Гоголь-птица

Москва. И я под
Уолтом Уитменом

Коренная пустынь.
Храм пресвятой Богородицы

Патриарх Кирилл появляется сверху со свитой

Патриарх Кирилл проходит близко

Мы с папой на Дворянском гнезде

Мама у яблони по имени Рая

Грачиные гнёзда. «А если налетит ураган?»

Французы из Швейцарии и мы с мэром города. В Малоархангельске у нашего дома

Французы и мы на нашем огороде

Братья – французы делают «карусель»

Папа и цветная капуста

Соседка Лариса Семёновна. В своём домашнем музее

Мы с мамой дома у ковровой иконы Казанской Божией Матери Богородицы

Самый большой семейный праздник

В «Бунинке», где мы читаем Толстого

Моя семья. Когда-то в Крыму

СОДЕРЖАНИЕ

СМОТРЮ В ОКНО 4
ПУШКИН ПРИЕХАЛ В МАЛОАРХАНГЕЛЬСК 8
ПИСАТЕЛИ ИЗ МОСКВЫ 13
ПУТЕШЕСТВИЕ В КОРЕННУЮ, К ПАТРИАРХУ 17
В ОРЛЕ, НА ДВОРЯНСКОМ ГНЕЗДЕ 20
ЯБЛОНЬКА ПО ИМЕНИ РАЯ 23
КРЫША 25
«А ВДРУГ НАЛЕТИТ УРАГАН?» 28
НАШ ДОМ СТАНОВИТСЯ МУЗЕЕМ 32
ГРИБЫ ПОД ОКНОМ 35
СЛИВА – ЧУДО 39
КУСТ ХРИЗАНТЕМ 41
ХЛЕБНОЕ ДЕРЕВО 43
АНДРЕЕВСКИЙ КОЛОДЕЦ 47
СУШЁНЫЕ ЯБЛОКИ 50
КАК МЫ ЧИТАЛИ ТОЛСТОГО 52
ОЖИВАЮТ МАШИНЫ 56
«БУДЕТ ЛИ У НАС ВОДА БЕЗ ЖЕЛЕЗА?» 59
НА ИНДЕЙСКОЙ ПИРОГЕ 63
НА ПОКРОВ 65
КОТ ВАСЯ – ЗАЩИТНИК НАШЕЙ УСАДЬБЫ 68
«ПЕСНЬ О СОБАКЕ» ЕСЕНИНА 71
«ГДЕ ДЕТИ? СИДЯТ В ИНТЕРНЕТЕ» 76
СМОТРЮ В ОКНО НА МАШИНЫ 79
САМЫЙ БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК 81

– Кто ты? – сказал мне отец вслух.

– Кто я? – молчал я от неожиданности вопроса.

– Читатель! – сказал мой отец. – Хороший, знающий, добрый читатель. Без такого читателя не бывает писателя. А без писателя не бывает и книг.

ИГОРЬ ЛЕОНАРДОВИЧ ЗОЛОТАРЁВ

МОЯ СЕМЬЯ

Книга для детей

РАССКАЗЫ

Корректура автора

На первой обложке:
г. Орёл, Дворянское гнездо.
На второй обложке:
Андреевский колодец.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Новое время»
ул. Итальянская, 23
Заказ №487. Тираж 300 экз.